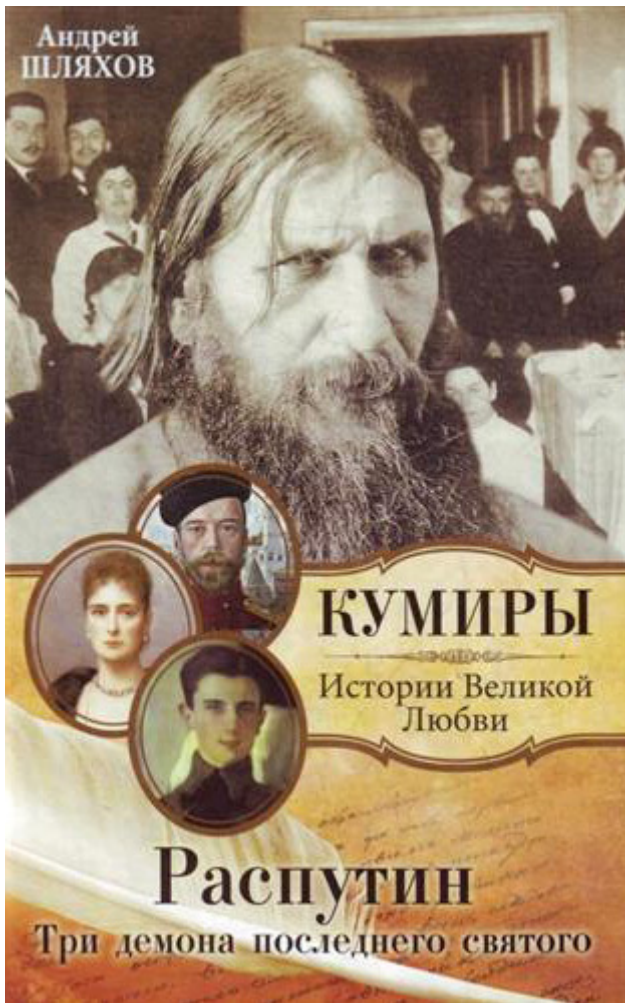

Андрей
ШЛЯХОВ

КУМИРЫ

Истории Великой
Любви

Распутин

Три демона последнего святого

Андрей Левонович Шляхов

Распутин. Три демона последнего святого

Текст предоставлен издательством «АСТ»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=656725

*Андрей Шляхов. Распутин. Три демона последнего святого: АСТ, Астрель, ВКТ; Москва; 2011
ISBN 978-5-17-070321-0, 978-5-271-30622-8, 978-5-226-03149-6*

Аннотация

Он притягивает и пугает одновременно. Давайте отбросим суеверные страхи и предубеждения и разберемся, в чем магия Распутина, узнаем кто он? Хлыст, устраивавший оргии и унижавший женщин высшего света, покоровший и загипнотизировавший многих, в том числе и Царскую семью, а впоследствии убитый гомосексуалистом? Оракул, многие из предсказаний которого сбылись, экстрасенс – самоучка, спасший царевича, патриот, радевший о судьбе России, а затем нагло, беззастенчиво оклеветанный? Одно можно сказать с уверенностью – Распутин одна из самых интересных и до сих пор непонятых фигур. Уже сто лет в России не было личности подобного масштаба, но... история повторяется, и многое в сегодняшних беспокойных временах указывает на то, что новый «Распутин» скоро появится.

Содержание

От автора	4
Глава первая	6
Глава вторая	11
Глава третья	23
Глава четвертая	28
Глава пятая	35
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Андрей Шляхов

Распутин. Три демона последнего святого

Блажен муж, иже не иде на совет нечистивых и на пути грешных не ста, и на седалищи губителей не седе, но в законе Господни воля Его, и в законе Его поучится день и ночь. И будет яко древо, насажденное при исходящих вод, еже плод свой даст во время свое, и лист его не отпадет, и вся, елика аще творит, успеет. Не тако нечестивии, не тако, но яко прах, его же возмывает ветер от лица земли. Сего ради не воскреснут нечестивии на суд, ниже грешницы в совет праведных. Яко вестъ Господь путь праведных, и путь нечистивых погибнет.

Псалтырь, Пс.1

*Я кричу, и мой голос дикий,
Это медь ударяет в медь,
Я, носитель мысли великой,
Не могу, не могу умереть.
Словно молоты громовые
Или воды гневных морей,
Золотое сердце России
Мерно бьется в груди моей.*

Н. С. Гумилев. «Наступление»

Я знала, что отца, в отличие от прочих, окружает какая-то тайна. Знала, что он обладает даром целительства. В общем, знала, что мой отец особенный. Но при этом воспринимала только как любимого отца. До остального мне дела не было.

Матрена Распутина. «Распутин. Почему?» (Воспоминания дочери)

От автора

О Григории Распутине писали много. И все по-разному, с разным отношением, с разными целями.

Такой уж он был, Григорий Распутин. Неординарный, неоднозначный, нестандартный... Кто знает, как могла бы сложиться его судьба, если бы не свела его жизнь с последним царем из дома Романовых и его семьей.

Близость к сильным мира сего опасна, подобно житью у подножия вулкана.

Трагизм судьбы Григория Распутина в том, что, став другом царской семьи, он одновременно превратился в мишень для нападков, объект непрекращающейся травли.

Враги метили в царя, а попадали в Распутина. В загадочного, непонятного, неведомо откуда возникшего старца.

Распутина звали старцем не из-за возраста (он не прожил на свете и пятидесяти лет), а из-за его богатейшего духовного опыта.

К сожалению, до нас дошел искаженный образ Григория Распутина. Даже не образ, а нечто вроде гаденькой карикатуры. Распутина усиленно пытались представить то разврат-

ным авантюристом, нагло втершимся в доверие к недалекой императорской чете, то шарлатаном, владеющим навыками гипноза, которые и позволили ему приобрести расположение Николая II и его жены. По образному выражению Александра Блока, пуля, направленная в Распутина, попала в самое сердце династии Романовых.

И мало кто задумывался о том, зачем нужна была Распутину эта близость. Он не искал себе сановных должностей и не сколачивал состояния. После Распутина не осталось никакого капитала – деньги как приходили к нему, так и уходили, не задерживаясь.

Мало кто понимал истинные мотивы, заставившие Распутина осесть в холодном, чопорном, так и не ставшем ему близким Петербурге.

Он был зеркалом, в котором каждый мог увидеть свою душу, себя самого.

Он был загадочным...

Он был непонятным...

Он был – настоящим!

Мне так и хотелось назвать эту книгу – «Рассказ о настоящем человеке», но нечто подобное в отечественной литературе уже было.

Я долго не мог подобрать подходящего названия для книги о загадочном сибирском старце и его безграничной, поистине необъятной любви к людям и миру вообще.

Дописывая последнюю главу, я вдруг понял, что эта книга должна называться «Любовь загадочного старца». Именно так, и никак иначе.

В этой книге нет ни слова авторского вымысла. Разве что если кто-то из современников Григория Распутина позволил себе немного приукрасить действительность...

Приятного чтения!

Глава первая У истоков

Слобода Покровская Тюменского уезда Тобольской губернии была селом большим и вдобавок весьма удачно расположенным. Стояла слобода на берегу реки Туры у оживленного тракта, проложенного между уездным городом Тюменью и губернским центром Тобольском, что называется, на бойком месте. Да и до города Тюмени было недалеко, всего шестьдесят верст, по сибирским меркам – рукой подать.

Девятого января 1869¹ года здесь, в крестьянской семье Ефима Яковлевича Распутина и его жены Анны Васильевны, родился сын Григорий.

Григорий Ефимович Распутин. Найдется ли в русской истории более загадочная и противоречивая личность? Одни склонны считать его святым мучеником, другие же видят в нем расчетливого прохиндея, коварно втершегося в доверие к царю Николаю Александровичу и царице Александре Федоровне, последним венценосцам династии Романовых.

Даже сама фамилия Распутина истолковывается по-разному.

Недоброжелатели, пафосно восклицая «Бог шельму метит!», возводят ее корни к распутству, а почитатели – к распутице, распутью, распутыванию.

Согласно толковому словарю Владимира Даля («Что-то я распутился», *сиб.* – неможется, расхворался.) нельзя исключить, что своей фамилией Распутины обязаны некоему болезненному, вечно хворому предку.

Вариантов много, и все они разные. Каждый волен выбрать себе толкование по вкусу. Главное, чтобы фамилия не заслоняла личность и не вызывала предвзятого отношения к ее носителю.

Впрочем, далекие предки Распутина, жившие в Вологодской губернии, носили фамилию Федоровы. На новом месте они стали писаться Изосимовыми, по имени того самого Изосима Федорова, который вместе с супругой своей и решил покинуть родные насиженные места, чтобы попытать счастья в далекой, богатой землей Сибири. Затем Изосимовы превратились в Распутиных или Распутиных. Скорее всего уличное прозвище, данное одному из Изосимовых, настолько прилипло к владельцу, что стало новой фамилией.

Появившись на свет, Григорий получил эту фамилию от своего отца, не прилагая к тому никаких усилий, и поначалу носил ее, навряд ли задумываясь о скрытом в ней смысле. Распутин и Распутин. Если на белом свете есть Ивановы, Смирновы, Насоновы, Лебедевы и великое множество других фамилий, то отчего же не быть Распутиным? Нормальная фамилия, не хуже прочих.

10 января 1869 года новорожденный младенец был крещен и наречен в честь святого Григория Нисского, страстного обличителя прелюбодеев. Крестными Григория стали его родной дядя Матвей Яковлевич Распутин и некая девица Агафья Ивановна Алемасова.

Все дети, родившиеся у Ефима и Анны до Григория, умирали в младенчестве. Григорий выжил, но рос мальчиком болезненным, тщедушным, совершенно не отличавшимся тем крепким здоровьем, которое молва традиционно приписывает сибирякам.

В автобиографическом сочинении, названном «Житие опытного странника», Григорий Распутин писал: «Вся жизнь моя была болезни».

Григорий рос отроком странным. Друзей у него не было, да он в них и не нуждался, потому что, по собственному признанию, все свободное время посвящал мечтам о Боге и размышлениям о природе сущего.

¹ Все даты приводятся по старому стилю, принятому во время жизни Григория Распутина.

Душе его, порывистой, мечтательной, тонко чувствующей, было тесно в узких рамках крестьянского быта, в котором изнурительная работа чередовалась с беспробудным пьянством. По собственному признанию, в годы юности своей Григорий Распутин «плакал и сам не знал, откуда слезы и зачем они».

Со сверстниками своими он беседовал о том, что волновало его более всего, – о Боге, о приходе Мессии, о птицах – воплощении свободы и небесного бытия. Григорий тянулся к добру, он верил в хорошее, доброе, вечное... Подолгу и часто просиживал он со стариками-односельчанами, жадно вникая их «рассказам о житии святых, о великих подвигах, о больших делах, о царе Грозном и многомилостивом...».

Долгими зимними вечерами сельские грамотеи читали вслух Евангелие, разворачивая перед заинтересованными слушателями величайшую из драм в истории человечества, легенду, в которой сплелись воедино и вера, и любовь, и предательство, и лицемерие, и страдание, и несправедливость, и жестокость, и прощение, и грех, и искупление его. Можно вообразить, как действовало Евангелие на мечтательные, восприимчивые к чуду души...

Григорий думал, сравнивал, созерцал, и вся юность его прошла в этом самом созерцании, словно во сне. Сталкиваясь с темными сторонами жизни, Григорий имел обыкновение схорониться в потайном месте и молиться там, молиться истово, самозабвенно, прося у Бога терпения и мудрости. Он был неудовлетворен духовной скудостью своего крестьянского бытия и не находил ответа на многие из вопросов, которые ставила перед ним жизнь. Ему было грустно, и по обычаю предков стал он топить свою грусть там, где она тонет лучше всего, – в вине. Лет с пятнадцати Григорий стал пить, ища в зелье не веселья и радости, но забвения и спокойствия, и пил он долго...

«...разве во мраке познают чудеса Твои, и в земле забвения – правду Твою?

Но я к Тебе, Господи, взываю, и рано утром молитва моя предвещает Тебя.

Для чего, Господи, отрываешь душу мою, скрываешь лице Твое от меня? Я несчастен и истоеваю с юности; несу ужасы Твои и изнемогаю. Надо мною прошла ярость Твоя, устрашения Твои сокрушили меня, всякий день окружают меня, как вода: облегают меня все вместе. Ты удалил от меня друга и искреннего; знакомых моих не видно» (*Пс. 87:13–19*).

Дочь Распутина – Матрена (Мария) Григорьевна, покинувшая Россию после событий октября 1917 года, оставила нам воспоминания о своем знаменитом отце. В ее последней книге «Распутин. Почему?» рассказывается о том, как тонули в реке Григорий и его двоюродный брат Миша, бывший старше годами. Миша утонул, а Григорию удалось спастись, но горьким было это спасение, в котором крылось предсказание его будущей смерти...

«Когда отца затягивала черная стоячая вода пруда и гнилая жижа, поднимавшаяся со дна, заливала нос, рот и уши, проникая, казалось, в самый мозг, он детским еще сознанием прозрел свой конец, – пишет Матрена Распутина. – Черная обжигающая невяская вода, веревки, обвившие его, – и никакой надежды на спасение. Ужасная репетиция. Со страшным знанием о своей смерти он и жил».

Поистине – тяжелая ноша. И лишь крепкому духом была по силам она. Как тут не сорваться?

На Руси пили всегда, с незапамятных времен. Пили задолго до князя Владимира, провозгласившего, что «веселие Руси есть пити», пили везде, во все времена и при всех правителях. Пьянство было нормой крестьянской жизни, первым способом проведения досуга и излюбленным методом избавления от усталости и горьких дум. Пьянство, без преувеличения, было патриархальным правилом земледельцев.

Не являлся исключением из этого правила и Ефим Распутин, отец Григория. Правда, по наследству передалось Григорию умение не допиваться до последнего. Отец его в свое время взялся за ум – бросил пить и начал заниматься летом земледелием, а зимой извозом. Подкармливался он, как и все жители слободы Покровской, от реки – на досуге промышлял

рыбной ловлей и зашибал «живую деньгу», разгружая пароходы и баржи. Со временем Ефим Распутин стал хозяином справным – заимел избу из восьми комнат, кое-какую скотину: двенадцать коров и восемь лошадей. Слобода Покровская вообще считалась богатым селом.

Некоторые односельчане характеризовали Григория как буйного и агрессивного во хмелю. Находились и такие, что обвиняли его в воровстве. Так, покровский крестьянин Картавец рассказывал: «Я поймал Григория на краже у меня остожья... Разрубив остожье, он сложил все на телегу и хотел увезти. Но я поймал его и хотел заставить везти краденое в волость... Он хотел бежать и желал было ударить меня топором. Но я в свою очередь ударил его колом, и так сильно, что у него из носа и рта потекла кровь ручьем... Сначала я думал, что убил его, но он стал шевелиться... И я повез его в волостное правление. Он не хотел идти... но я ударил его несколько раз кулаком по лицу, после чего он сам пошел в волость... После побоев сделался он каким-то странным и глуповатым». Затем Картавец рассказал, что в отместку Распутин украл у него лошадей.

Трудно судить о том, правда это или нет. Ведь Картавец рассказал о пресловутой краже остожья во время допроса следователем «Чрезвычайной следственной комиссии по расследованию противозаконных действий министров и прочих должностных лиц царского режима». Комиссия эта была образована Временным правительством 4 марта 1917 года для того, чтобы найти как можно больше фактов, порочащих только что павший режим самодержавия. Вполне возможно, что работа членов Комиссии была весьма пристрастной и интересовались они только разоблачениями да обличениями, и ничем больше. В подобной ситуации об объективности говорить не приходится – сойдет любая ложь, которая «ложится в тему», соответствует поставленной цели.

Кстати говоря, протоколы этой Комиссии обрабатывал и готовил к изданию не кто иной, как знаменитый русский поэт Александр Блок.

Разумеется, чуть ли не в первую очередь Комиссия заинтересовалась личностью Григория Распутина, полуграмотного русского мужика, к слову которого нередко прислушивался сам государь император Николай II.

Тут уж, по меткому народному выражению, всякое лыко годилось в строку, лишь бы порочило образ ненавистного новой власти старца Григория.

«От сети клеветнического языка, от уст сплетающих ложь» не застрахован никто, тем более – мертвые, которые не могут свидетельствовать в свое оправдание. Да и надо ли им это? Известно ведь, что «мертвые сраму не имут».

В архивах вышеупомянутой Комиссии есть показания и о том, как отец посылал Распутина на лошадях за сеном и хлебом в Тюмень, а он возвращался пешком «без денег, и побитый, и пьяный, и порой без лошадей».

Впрочем, если даже и водились за Григорием Распутиным по молодости какие-то грехи, то с течением времени они безвозвратно канули в небытие. Не пьянство и кражи стали смыслом жизни Григория Распутина, а поиски истины, поиски смысла жизни, поиски сокровенных законов мироздания, поиски духовности, поиски Христа.

Один из следователей Комиссии, некий Смиттен, не писал в своем заключении относительно молодого Григория Распутина ничего хорошего: «Свидетели отмечают, отец Распутина пил сильно водку. Мальчиком Распутин рос грязным и нечистоплотным, так что сверстники иначе не называли его, как „сопляком“... Пятнадцати лет Распутин начал пить водку, причем после женитьбы на двадцатом году пьянство его еще усилилось... В этом раннем периоде его жизни свидетели характеризуют Распутина как человека хитрого, наглого, с буйно-разгульной, экспансивной натурой. В пьяном виде, бахвалясь, он запрягал лошадей и катался по двору, любил подражаться, ругался скверными словами не только с посторонними, но и с родителями». А вот его коллега, следователь Владимир Руднев, то ли более проницательный, то ли более объективный, признавался впоследствии: «Я пришел к заключению,

что в жизни Распутина, простого крестьянина, имело место какое-то большое глубокое переживание, совершенно изменившее его психику и заставившее обратиться к Христу».

Товарищ (заместитель) прокурора Екатеринославского окружного суда Владимир Руднев демонстративно покинул Комиссию в августе 1917 года. В прошении об отчислении он мотивировал свое решение неоднократными попытками председателя Комиссии Муравьева побудить его «явно к пристрастным действиям». Рудневу было поручено «обследовать источник безответственного влияния при дворе».

В положенное время, восемнадцати лет от роду, Григорий женился на крестьянке Прасковье Федоровне из соседнего села Дубровного. Жена была на несколько лет старше мужа. Согласно данным переписи 1897 года семью Распутиных составляли «хозяин Ефим Яковлевич Распутин, 55 лет, жена его Анна Васильевна... сын Григорий, 28 лет, жена его Прасковья Федоровна, 30 лет». Примечательно, что Григорий не стремился по обычаю того времени, женившись, отделяться от отца и жить своим, самостоятельным, хозяйством. Однако и от крестьянского труда не уклонялся. «Много в обозах ходил, много ямщичал и рыбу ловил и пашню пахал, действительно это все хорошо для крестьянина», – пишет Распутин в своем «Житии опытного странника». Работящая и хозяйственная Прасковья родила Григорию семерых детей, из которых трое первых умерли, трое последующих (сын Дмитрий, родившийся в 1894 году, дочь Матрена и дочь Варвара, появившиеся на свет соответственно в 1897-м и 1900 годах) выжили, а последняя девочка тоже умерла.

Жена не смогла удержать мужа дома. С двадцати восьми лет Григорий Распутин начал уходить в странствия по святым местам.

Уже упоминавшийся следователь Смиттен писал, что оставить родной дом Григория побудила неприязнь односельчан, недовольных его поведением, и в первую очередь его воровством.

Матрена Распутина же утверждает, что отец никогда не брал чужого. Напротив, он с детства не раз «прозревал» чужие кражи. Не верят в историю с воровством и многие биографы Григория Распутина.

Сам же Распутин писал о своем преображении так: «Всякую весну я по сорок ночей не спал. Сон будто как забытье, так и проводил все время с 15 лет до 28 лет. Вот что тем более толкнуло меня на новую жизнь... Киевские сродники исцелили, и Симеон Праведный Верховотурский дал силы познать путь истины и уврачевал болезнь бессонницы. Очень трудно это было все перенести, а делать нужно было, но все-таки Господь помогал работать, и никого не нанимал, трудился сам, ночи с пашней мало спал».

Он не был лентяем, пускавшимся в странствия для того, чтобы избежать тягот крестьянского труда. Не был и юродивым, блаженным в полном смысле этого слова. В свои двадцать восемь лет Григорий был зрелым семейным человеком, которого на путь странничества могла привести лишь веская, крупная, серьезная причина.

Не обошлось и без знаковой встречи, о которой нам стало известно благодаря Матрене Распутиной. В одной из своих книг она пишет, что отец ее время от времени подрабатывал ямщиком, развозя седоков на своих лошадях по тракту (занимались жители Покровской и таким промыслом). Как-то раз Григорий вез из Покровского в Тюмень студента Духовной академии Мелетия Зборовского (впоследствии он станет епископом Барнаульским и Томским и по совместительству ректором Томской Духовной семинарии). Разумеется, разговор между ними зашел о Боге, и произвел тот разговор настоящий переворот в душе Григория. Рассказав седоку о своих видениях, Григорий спросил у него совета и услышал в ответ: «Тебя Господь позвал».

Раз Господь позвал – послушаться нельзя, грех это великий. Григорий ушел странствовать.

Справедливости ради надо отметить, что на допросе, учиненном ей в 1919 году судебным следователем по особо важным поручениям при Омском окружном суде Соколовым, впоследствии написавшим книгу «Убийство царской семьи», Матрена Распутина показывала иное: «В жизни моего отца, когда я была еще маленькой девочкой, что-то произошло, что изменило совершенно всю его, а впоследствии и нашу жизнь. Раньше отец жил, как все крестьяне, занимаясь хозяйством. Вдруг он оставил семью и ушел странствовать. Должно быть, что-то произошло у него в душе: он перестал пить, курить и есть мясо и ушел из дома. Я думаю, что на него так воздействовал известный в наших местах странник Дмитрий Иванович Печеркин, родом из деревни Куличи (верст 300 от Тобольска). По крайней мере, перед уходом отца Печеркин у нас был, и они ушли тогда вместе с отцом. Я помню, когда отец вернулся домой, мама не сразу его узнала. Приблизительно это было в 1905 году».

Если начать сопоставлять все сведения о первой половине жизни Григория Распутина, то легко можно запутаться в противоречиях. Да и надо ли копаться в мелких, совершенно несущественных деталях? Какая разница – кто именно или что именно подвигло Григория Распутина на странствия? Важен сам результат. Важно, что Григорий оставил дом свой, семью свою, чтобы отправиться на поиски «ангельского хлеба души человеческой».

«Услышь, Господи, молитву мою и внемли воплю моему; не будь безмолвен к слезам моим, ибо странник я у Тебя и пришлец, как и все отцы мои» (*Пс. 38:13*).

В 1892 году Григорий Распутин отправился в первое свое паломничество или странствие, это уж кому как угодно называть, во время которого посетил он Верхотурский монастырь, расположенный в Екатеринбургской губернии.

Из Верхотурья спустя три месяца вернулся совершенно другой человек. Один из односельчан Распутина по фамилии Подшивалов, встретивший странника на обратном пути, вспоминал, что «возвращался он тогда домой без шапки, с распущенными волосами и дорогой все время что-то пел и размахивал руками». Другой же односельчанин, некто Распопов, вспоминал о Григории так: «На меня в то время Распутин произвел впечатление человека ненормального: стоя в церкви, он дико осматривался по сторонам, очень часто начинал петь неистовым голосом».

Побывав в Верхотурском монастыре, Григорий Распутин бросил пить, курить, есть мясо и сладости. Пуще прежнего начал он сторониться людей, все больше и больше времени проводил в молитвах, обучился грамоте – причем читал не только на современном ему русском языке, но и по-церковно-славянски.

Задержался он дома недолго – всего через месяц снова собрался в дорогу...

Глава вторая

Очарованный странник

«Пахал усердно, – писал о себе Распутин, – но мало спал, а все ж таки в сердце помышлял, как бы чего найти, как люди спасаются».

Как найти путь к спасению?

Когда-то странничество было широко распространено на Руси. Каждый уважающий себя христианин считал своим долгом поклониться святыням, совершить паломничество по святым местам.

Святых мест хватало: хочешь – ходи по Руси-матушке, по ее некогда многочисленным, славным своими чудотворными иконами и нетленными мощами монастырям, хочешь – отправляйся в Иерусалим.

Паломничали ради спасения души, ради исцеления, как духовного, так и телесного, паломничали все сословия – и крестьяне (разумеется, только свободные, не крепостные), и купцы, и дворяне. Путешествовали к святым местам (не пешком, а в удобных каретах, сопровождаемые придворными и челядью) и императрицы Елизавета, и Екатерина Великая.

Однако с течением времени все меньше и меньше людей отправлялись в странствия по святым местам. То ли вера ослабла, то ли тяжелы на подъем стали люди, то ли не могли они уже бросить разом все свои дела, свои дома и уйти.

К концу XIX века странничество на Руси почти угасло. Лишь редкие люди по зову души своей отправлялись поклониться святым иконам и мощам святых.

Нелегко был удел паломника, бредущего по пыльным дорогам с котомкой за плечами и питающегося милостью добрых людей. «Много путешествовал и вешал, т. е. проверял все жизни... – писал о себе Распутин. – Теперь это сладко описать, а на деле-то пришлось пережить».

Первым делом Григорий посетил Верхотурский Николаевский монастырь, древнюю обитель, основанную кем-то из московских царей триста с лишним лет назад – в XVI веке. В этом монастыре, расположенном в живописном месте на высоком холме, у подножия которого журчали, сливаясь, две речушки, находились мощи праведного старца Симеона, после смерти своей (он умер в 1642 году вследствие чрезмерно строгого поста) причисленного к лику святых угодников. За свою праведность и великое воздержание Симеон Верхотурский весьма почитался в народе, и стекались к нему паломники не только из Сибири и Урала, но и со всей России.

Симеон стал любимым святым Григория Распутина. Иначе и быть не могло, ведь именно он исцелил страдальца от бессонницы. Примечательно, что самого первого человека, исцелившегося от недугов, отершись землей, взятой с могилы старца Симеона, тоже звали Григорием. Случилось это через пятьдесят лет после смерти святого, когда гроб с его телом внезапно поднялся из земли, явив миру нетленные мощи. Более ста лет паломники ходили на могилу Симеона, пока в начале XVIII века его мощи с великим почетом не перенесли в Николаевский монастырь.

Распутин получил от Симеона не только исцеление. Святой угодник ниспослал Григорию непостижимую силу, благословил его на духовный подвиг и стал его покровителем. Распутин часто посещал Николаевский монастырь, как в одиночку, так и со знакомыми. Икону с изображением святого Симеона он подарил царской семье в самом начале знакомства.

Погиб от руки убийц Распутин, Николай II с женой и детьми были расстреляны большевиками, и большевики же выбросили из обители нетленные останки святого Симеона Верхотурского. Осталась только память...

Кроме Николаевского монастыря побывал Григорий и во многих других – начав с ближних, закончил он дальними, за несколько лет не только исходив всю святую Русь, но и забираясь дальше, до самого Иерусалима.

В монастырях Распутину не нравилось, и он никогда не думал о поступлении в какую-нибудь из обителей в качестве послушника. Недоброжелатели утверждали, что не нравилась Распутину строгая монастырская дисциплина, но сам он говорил иное: «Много монастырей обходил я во славу Божию, но не советую вообще духовную жизнь такого рода – бросить жену и удалиться в монастырь. Много я видел там людей; они не живут как монахи, а живут как хотят и жены их не сохраняют того, что обещали мужу. Вот тут-то и совершился на них ад! Нужно себя более испытывать на своем селе годами, быть испытанным и опытным, потом и совершать это дело. Чтобы опыт пересиливал букву, чтобы он был в тебе хозяин и чтобы жена была такая же опытная, как и сам, чтобы в мире еще потерпела бы все нужды и пережила все скорби. Так много, много чтобы видели оба, вот тогда совершится на них Христос в обители своей».

Воля, свобода, бескрайние просторы – вот что манило к себе Распутина. Тягостно спалось ему в душных узких кельях, отведенных для ночлега странников, и не лез в рот кусок хлеба, сопровождаемый поучениями, а то и откровенно недоброжелательными взглядами. Душа его, мятущаяся в поисках непостижимой истины, тонко чувствовала фальшь и ложь. Простой крестьянин, что называется «от сохи», о людях он привык судить по мыслям и делам их, а не по сану и количеству поклонов, отбиваемых во время молитв. «Если хорош ты был в миру, иди в монастырь – там испортят, – предупреждал Григорий Распутин. – Не по душе мне монастырская жизнь, там насилие над людьми».

Глашатай любви, любви к Богу, к людям, ко всему миру, он не терпел насилия независимо от формы, в которую оно выливалось. И пусть недоброжелатели Григория, подобные митрополиту Дионисию, писали, что «никому не подчиняться, ни в каком постоянном труде не участвовать, ни перед кем и ни за что не отвечать, но в то же время судить обо всем, учить всех, вмешиваться во все дела, предсказывать все, что имеет быть, и всем давать свои поручения – вот жизненный идеал, который привлекает очень многих. И этот идеал в полной мере воплощен в Распутине».

Достаточно перечитать автобиографические записки Распутина, чтобы понять, насколько служение Богу в качестве странника тяжелее довольно-таки комфортного (в сравнении, разумеется) послушания в монастыре.

Вот что писал сам Григорий: «Я шел по 40–50 верст в день и не спрашивал ни бури, ни ветра, ни дождя. Мне редко приходилось кушать, по Тамбовской губернии – на одних картошках; не имея с собой капитала, и не собирал вовек: придется – Бог пошлет, с ночлегом пустят – тут и покушаю.

Так не один раз приходил в Киев из Тобольска, не переменил белья по полугоду и не налагал руки до тела – это вериги тайные, то есть это делал для опыта и испытания, нередко шел по три дня, вкушал только самую малость. В жаркие дни налагал на себя пост: не пил квасу, а работал с поденщиками, как они; работал и убегал в кусты молиться. Не один раз пахал пашню и убегал на отдохновение на молитву.

Мне приходилось переносить нередко всякие беды и напасти; так приходилось, что убийцы предпринимали против меня, что разные были погони, но на все милость Божья! То скажут: „Одежда неладная“, то в чем-нибудь да забудутся клеветники неправды. С ночлега уходил с полночи, а враг завистлив всяким добрым делам, пошлет какого-нибудь смутителя, он познакомится, чего-нибудь у хозяина возьмет, а за мной погоня, и все это пережито мною! А виновник тотчас же находится. Не один раз нападали волки, но они разбегались. Не один раз нападали хищники, хотели обобрать, я им сказывал: „Это не мое, а все Божье, вы возьмите у меня, я вам помощник, с радостью отдаю“, – им что-то особенно скажет в сердцах

их, они подумают и скажут: „Откуда ты и что такое с тобой?“ „Я человек – посланный брат вам и преданный Богу“».

В странствиях Распутину ниспосылались свыше знамения. «Как-то, – вспоминал он, – заночевал в комнате, где была икона Божьей Матери... посреди ночи проснулся и вижу, что икона плачет: „Григорий, я плачу о грехах людских. Иди, странствуй и очищай людей от грехов“».

«И, по прошествии дней шести, взял Иисус Петра, Иакова и Иоанна, и возвел на гору высокую особо их одних, и преобразился перед ними.

Одежды Его сделались блистающими, весьма белыми, как снег, как на земле белильщик не может выбелить.

И явился им Илия с Моисеем; и беседовали с Иисусом.

При сем Петр сказал Иисусу: Равви! хорошо нам здесь быть; сделаем три кущи: Тебе одну, Моисею одну, и одну Илии.

Ибо не знал, что сказать; потому что они были в страхе.

И явилось облако, осеняющее их, и из облака исшел глас, глаголющий: „Сей есть Сын Мой возлюбленный; Его слушайте“» (*Марк, 9:2–7*).

Не обходилось и без искушений: «Дьявол о плотском шепчет усталому путнику: „Стань на паперти, собирай милостыню – дорога дальняя, денег много надо... помолись, чтоб тебя взяли обедать и накормили послаще“, – признавался Распутин. – Как мне пришлось с этими помыслами бороться...»

У себя дома, в Покровском, Григорий устроил особую молельню, в которой проводил долгие часы в молитве, о чем сам писал все в том же «Житии»: «В одно прекрасное время, ходил, думал обо всем, вдруг проникла ко мне мысль, долго недоумевал, что вот сам Господь не избрал царские чертоги, а выбрал Себе ясли убогие и тем прославил славу. Мне недостойному пришлось в голову достигнуть, взял, выкопал в конюшне вроде могилы пещерку и туда уходил между обеднями и заутренями молиться. Когда днем свободное время, то я удалялся туда и так мне было вкусно, то есть приятно, что в тесном месте не разбегается мысль, нередко и ночи все там проводил, но враг-злодей всяким страхом меня оттуда выживал – треском, даже было побоями, но я не переставал. Так продолжалось лет восемь...»

Молился Григорий не один – нашлось у него несколько сподвижников среди односельчан, как мужчин, так и женщин. Но не успели молящиеся начать собираться у Григория, как по селу сразу же поползли разного рода скверные слухи, утверждавшие, что уединяются они не для совместной молитвы, а для того, чтобы втайне ото всех предаться блуду. Однако слухи эти так и не нашли подтверждения.

Односельчан Распутина можно было понять – недалекие крестьяне, они искренне недоумевали, почему при наличии в селе действующей церкви – храма Покрова Богоматери (на то и Покровское), кому-то приспичило собираться в тайном домашнем укрытии для того, чтобы коллективно помолиться. Они и представить не могли, что кого-то может чем-то не устраивать родная православная церковь, и не устраивать настолько, чтобы побудить к созданию альтернативного храма на дому.

«Но призри на молитву раба Твоего и на прошение его, Господи Боже мой! услышь воззвание и молитву, которою раб Твой молится пред Тобою.

Да будут очи Твои отверсты на храм сей днем и ночью, на место, где Ты обещал положить имя Твое, чтобы слышать молитву, которою раб Твой будет молиться на месте сем» (*Вт. кн. Паралипоменон, 6:19–20*).

Политический ссыльный Александр Сенин, несколько лет проживший в Покровском, бывал на религиозных собраниях в доме Григория Распутина и даже описывал их: «Все чинно расселись по местам, и началось пение. „Братья“ и „сестры“ под руководством Григория начали: „Спит Сион и дремлет злоба, спит во гробе Царь Царей“. Выходило стройно, гар-

монично и красиво... Создавалась таинственно-благоговейная атмосфера, точно в храме... Тонкие женские голоса печально и нежно переливались, им глухо и грустно аккомпанировали басы. Мирное, спокойное настроение создавалось в душе, и становилось жаль чего-то, жаль до бесконечности...»

И вот что еще писал Сенин: «Раньше братья выпивали и песни мирские пели, а как уверовали в Григория, все бросили. Живут трезво, мирно, скромно, замечательно трудолюбивы и с помощью Григория построили себе новые хорошие домики... Все „сестры“... девицы, дочери зажиточных родителей. Намеревались они для спасения души в монастырь идти, да остановились у Григория, тут и „спасаются“.

Работают по полевому и домашнему хозяйству, ведут себя скромно и тихо, платочки на голове навязывают, точно монашенки, низко кланяются, неукоснительно посещают службы церковные и обращаются с посторонними смиренно, по-монастырски. Слушаются они Григория и подчиняются ему беспрекословно, с благоговением и, видимо, с большой охотой... Живут они у Григория с согласия родителей».

Молитвы в сельской церкви Распутина не привлекали. О священниках он отзывался с самобытной иронией. «Когда в храме священник, то нужно его почитать, – писал он, – если же с барышнями танцует, то напоминай себе, что это не он, а бес за него, а он где-то у Престола сам служит. А видишь, что он сладкие обеды собрал и кумушек-голубушек созвал, то это потому, что у него свояченица барышня и шурин кавалер, а жене-то батюшковой и жалко их. Он же, Христовый, все же батюшка, и не сам, а пожалел их. Так и представляй в очах картину. Ему бы надо в исправники, а он в пошел в батюшки... Ведь батюшка двояко есть – есть наемник паствы, а есть такой, что сама жизнь его толкнула быть истинным пастырем, и он старается служить Богу – наемник же на него всячески доносит и критикует».

Доставалось и церковным иерархам, презрение к «мертвой» книжной учености которых Григорий Распутин пронес через всю свою жизнь. «Мне пришлось много бывать у архиереев, много я беседовал с ними... их учение остается ничтожным, а слушают простые слова твои... Ученость для благочестия ничего... Буква запутала им голову и свила ноги, и не могут они по стопам Спасителя ходить».

Фарисействующему духовенству Распутин противопоставлял себя и своих, если можно так выразиться, «коллег» – «опытных» странников, «избранных в духовных беседах». «Кто может совет дать, так они в уголки позагнаны», – пишет Распутин.

«В улолки позагнаны» были сектанты, наиболее известными из которых и близкими Распутину по взглядам на жизнь были «христы», за свою страсть к религиозному самобичеванию прозванные в народе «хлыстами». Тайные общины хлыстов, называемые ими «кораблями» (имелся в виду корабль, на котором можно уплыть к спасению), были рассеяны по всей стране, особенно часто встречаясь за Уралом, в Сибири.

Первые общины хлыстов появились в XVII веке. Согласно их учению, Господь впервые сошел на землю в Риме и Иерусалиме, дабы насадить по миру веру христианскую, которая сияла и процветала много лет, после чего триста лет приходила в упадок, до тех пор, пока не появился некий «Антихрист от монашеского чина» и окончательно ее не погубил. Возник тогда среди людей спор великий, не могли они понять, по каким книгам следует им спастись – по старым или по новым. Спор разрешил костромской крестьянин Данила Филиппович. Он бросил все свои книги в реку и возвестил людям, что для спасения им нужна только одна книга: «Книга золотая, книга животная, книга голубиная, сам сударь Дух Святой». Люди возрадовались и принялись молить Бога снова сойти на грешную землю. Молитва была услышана, и в Стародубской волости, в Егорьевском приходе, на гору Городину «сокатил среди облаков на огненной колеснице сам Господь Бог Саваоф и вселился в пречистую плоть Данилы Филипповича». Патриарх Никон, узнав о том, сразу же повелел схватить Данилу Филипповича и заключить в темницу, но тогда настала тьма на всей земле.

Убоялись слуги Антихристовы и выпустили Данилу Филипповича на волю. Он вернулся к себе домой в Кострому, где дал единоверцам двенадцать заповедей. Вот они:

«1. Я тот Бог, который пророками предсказан, другого Бога не ищите.

2. Нет и не ищите другого учения.

3. На чем поставлены, на том и стойте.

4. Храните заповеди Божьи и будете ловцами вселенной.

5. Вина и пива не пейте, блуда не творите.

6. Холостые не женитесь, женатые живите в посестрии.

7. Матерно не бранитесь, дьявола не поминайте.

8. На крестины, свадьбы и гулянья не ходите.

9. Веру держите в тайне, никому, ниже отцу родному, ниже духовному, не объявляйте, даже под огнем, кнутом и топором.

11. Друг к другу ходите, хлеб-соль водите, любовь творите, Богу молитесь.

12. Духу Святому верьте».

«Божьи люди» возрадовались и стали жить по полученному закону.

Если «Бог Саваоф» Данила Филиппович – личность более легендарная, нежели реальная, то первый хлыстовский «Христос» – Иван Тимофеевич Суслов, родившийся якобы от столетних родителей, действительно жил на белом свете. При нем и его преемнике, некоем Прокопии Лупкине, хлыстовщина распространилась по России, достигнув и Петербурга, и Москвы.

Главные составляющие хлыстовства: эмоциональное откровение, достижимое путем изнурительных радений, и бесконечная и непрерывная многократность божественных воплощений. Посредством поста, целомудрия, самоистязания, неустанных молитв и долгих радений пытались хлысты возжечь в себе искру Божества и получить благодать. Веря, что храм Божий находится в душе человека, хлысты отрицали церкви и не исполняли православных обрядов.

В каждой общине хлыстов был свой «сын божий Христос» и своя «богородица». Согласно их верованиям, с уходом из земной жизни очередного бога Святой Дух воплощается в новом теле, обеспечивая преемственность жития божьего на русской земле.

Простодушное и искреннее учение хлыстов, эта самобытная смесь язычества и православия, чем-то сродни буддизму, утверждающему, что каждый из нас способен достичь наивысшего просветления, надо только избавиться от своих страстей. Русскому крестьянству, изнуренному непосильным трудом, хлысты преподнесли бесценный дар – возможность стать «христом» или «богородицей», заслужив эту великую честь праведной жизнью.

Хлысты были аскетами, но аскетами самобытными, особенными. Поначалу они пробовали досконально придерживаться заповеди Данилы Филипповича, старались было и «с женами не жить», и «блуда не творить», но давалось столь сильное воздержание нелегко. Постепенно хлысты начали признавать сожительство по добровольному согласию между «сестрами» и «братьями», как воплощение «чистой Христовой любви», противостоящей благословенному «церковью Антихриста» браку. Впоследствии хлысты сошлись на том, что раз Дух Святой во время радений руководит волей молящихся (хлысты верили, что во время «радения» на них нисходит Святой Дух, и дети, зачатые после коллективного совокупления, будут рождены от него), то человек уже не является ответственным за свои поступки, и стали осуществлять обуздание похоти путем свального греха, предаваясь ему во время радений, утверждая, что потакание желаниям плоти есть кратчайший путь к ее умерщвлению.

Освобождение от грехов путем греха – вот основная идея хлыстовства. Хлысты учат не бояться греха, ведь следом за ним идет покаяние, несущее грешнику спасение. Народ русский переделал эту догму в широко известную поговорку: «Не согрешишь – не покаешься, не покаешься – не спасешься».

Как для крепости тела необходимы физические упражнения, так и для крепости духа потребны упражнения духовные, во время которых грешники очищаются покаянием.

По преданию, «святые беседы» и «радения» учредил «Христос» Иван Суслов. Собрания общин – мужчины и женщины приходили на них в длинных, до пят, белых рубахах, босиком, со свечами в руках, – начинались с совместного пения духовных стихов, во время которого мужчины и женщины сидели порознь, затем начиналось хождение по кругу посолонь вокруг емкости со святой водой, которой хлысты кропили друг друга. Постепенно ритм песен все убыстрялся и убыстрялся, пока присутствовавшие не начинали хлестать себя ремнями или цепями для «умерщвления грешной плоти своей», приговаривая при этом: «Хлыщу, хлыщу, Христа ищу...» Дойдя до определенного состояния, участники радений начинали выкрикивать пророчества, якобы подсказанные им Святым Духом, что и было главной целью и кульминацией радений.

Со временем допущение половой жизни, пусть даже по добровольному согласию сторон или во время радений, вызвало протест внутри хлыстовства, приведший к обособлению от него секты скопцов, добровольно кастрировавших себя во имя достижения чистейшего, высшего целомудрия. Основателем новой секты стал один из хлыстовских «Христов» Кондратий Селиванов, после своего оскотления, или, по выражению самих скопцов, «убеления», в 1765 году объявивший себя не только Богом, но и императором Петром III.

Зародившись как чисто крестьянская секта, хлыстовство со временем (к началу XIX века) проникло на самую вершину русского общества, заимев сторонников среди высшей знати Российской империи. В Петербурге долгое время существовала тайная хлыстовская секта, руководимая «богородицей» Екатериной Филипповной Татариновой. Постепенно аристократы, по сути своей чуждые духу аскетизма, скатились к разнузданным оргиям, тайное стало явным, и по приказу императора Николая I в 1837 году секту разогнали, а Татаринову даже арестовали и заточили в монастырь, где пробыла она десять долгих лет, пока не раскаялась в заблуждениях своих и не покалась.

Краткие образные проповеди Распутина, его высказывания и взгляды во многом совпадали с мировоззрением хлыстов. Не исключено, что во время своих странствий он мог посещать хлыстовские общины-«корабли» и даже выполнять роль связного между ними. Подобные связные назывались у хлыстов «летучими ангелами» или «серафимами».

На Распутина, как на человека малограмотного, вдобавок к сильной воле и пытливой душе обладавшего повышенной эмоциональностью, не могла не произвести впечатления идея эмоционального постижения Бога, исповедуемая хлыстами и рядом других так называемых «мистических сект». Не получивший никакого образования, Григорий Распутин, конечно же, не был в состоянии ясно и цельно сформулировать свое так называемое учение. Иначе говоря, он обладал не оформленной системой взглядов, а неким сильным ощущением, если можно так выразиться, суперчувством, которое все его мысли и всю волю его направляло на поиски и постижение Бога.

В связи с хлыстами Григория Распутина власти будут подозревать еще не раз. Так, много позже, в 1908 году, когда о Распутине узнают и в столичном Петербурге, завистники и недоброжелатели, среди которых часто встречались служители церкви, примутся строчить доносы. В Тобольскую консисторию будут приходить письма, рассказывающие о том, как якобы разнузданно ведет себя Григорий Распутин с женщинами, приезжающими к нему отовсюду, в том числе и из Петербурга. Много будет написано о сеансах избавления от страстей, происходивших в распутинской бане, и чуть ли не в каждом письме будет упомянуто о том, что смолodu Распутин, дескать, был приверженцем хлыстовской ереси. Дело дойдет до отправки в Покровское специального консисторского следователя, который, правда, на горе доносчиков, вернется ни с чем.

«Батюшка царь... оказал мне милость, понял меня и дал денег на храм, – писал Распутин. – Я с радостью поехал домой и обратился к священникам о постройке нового храма. Враг же, как ненавистник добрых дел, еще не успел я доехать, всех соблазнил. Я сам оказываю помощь в постройке храма; а они ищут меня в пагубной ереси обвинить и такую чушь порют, даже нельзя высказать и на ум не придет. Вот сколь враг силен яму копать человеку и добрые дела в ничто ставить, обвиняют меня как поборника самых низких и грязных сект, и архиерей всячески восстает. Куда трудно любовь разобрать. Как человек не был на опыте».

В Покровском против Распутина были настроены приходские священники отец Петр (Остроумов), настоятель церкви, и отец Федор (Чемагин). В первую очередь им не нравилось, что какой-то мужик позволяет себе не только соваться в дела священства, но и предавать служителей церкви «поношению», осуждая их на людях («благодать с недостойных пастырей отлетает и ложится на простецов», утверждал Распутин). Во-вторых, их раздражал непонятный духовный поиск Распутина, поиск истины, который они, не вникая и не желая вникать в его суть, сочли сектантством чистой воды.

Собрав как можно больше компрометирующей Распутина информации, а точнее говоря – обстоятельно записав все слухи и сплетни, отец Петр отправил донесение (донос, клевету – суть едино) тобольскому епископу Антонию.

В январе 1908 года, в ночь после именин Григория, тюменским миссионером Глуховцевым по епископскому постановлению был произведен обыск в избе Распутина. При обыске присутствовали местный урядник и оба покровских священника.

Искали долго, усердно, рьяно, искали улики (в первую очередь ритуальную «кадку», возле которой происходят радения хлыстов), искали хлыстовские книги, облазили весь дом, чуть было не раскатали по бревнышку баню, но так ничего и не нашли.

О преследовании отца церковными властями не раз писала Матрена Распутина. Обратимся к ее воспоминаниям: «...по селу разнеслась весть, что зародился новый пророк-исцелитель, ттец мыслей, разгадыватель душевных тайн.

Слава Распутина стала распространяться далеко за пределами села Покровского и соседних деревень. Приходили бабы, вода за собой кликуш, хромых, слепых, больных ребят.

Священник увидел в отце врага, способного лишить его, по крайней мере, части доходов. Теперь больные шли за исцелением к отцу, а не в церковь. Те же, кто искал духовного руководства, предпочитали получать хлеб из рук отца, а не камни из рук священника.

И без того разгневанный соперничеством „высочки“, священник пришел в ярость, узнав, что отец намерен соорудить на своем подворье подземную часовню.

Насколько я знаю, отец никогда открыто не выказывал своего отношения к Покровскому батюшке. Но тот был достаточно опытен и не нуждался в непосредственных объяснениях.

С точки зрения сугубо церковной, затея, подобная затее отца, не несла в себе ничего оскорбительного. От Покровского служителя Господнего потребовалось бы только освятить новую часовню. Или заявить, почему он этого делать не намерен.

Имея представление об отцовском характере, батюшка не мог отважиться на такой шаг. Отец молчать бы не стал, последовало бы разбирательство с привлечением деревенской общины (мира), многое могло бы тогда явиться на свет Божий.

Отец Петр решил – не мытьем, так катаньем – допечь неугодного.

А тем временем строительство продвигалось. Отец работал не переставая. Нашлись и помощники.

Когда уже все было закончено и собранные в странствиях моим отцом иконы расположили в нишах земляных стен, батюшка решил, что настал час действовать. И настроил донос.

В ожидании (и даже – в предвкушении) своей победы он строго-настрого запретил ходить в отцовскую часовню, предрекая кары небесные тем, кто будет продолжать потакать „пособнику дьявола“. Это не помогало. Прихожан в церкви не становилось больше. Наоборот.

Ответа от церковного начальства все не было, и батюшка направился в Тюмень сам.

Там его принял епископ. Батюшка вылил на отца не один ушат грязи, вплетая в уже устный донос все, что мог припомнить из сплетен, сопровождавших отца.

Картина получилась страшная.

Богобоязненный епископ пришел в ужас от творящихся в подведомственном ему приходе nepотpeбств и тут же отправился вместе с отцом Петром в Покровское положить конец безобразиям. За ними последовали ученые монахи и полицейские.

Учинили целое следствие.

Полицейские, переодетые крестьянами, несколько раз побывали на службе в часовне, монахи с суровыми лицами ходили по деревне и расспрашивали тех, кто бывал на отцовских собраниях. Через несколько дней тщательного расследования они доложили епископу, оставившемуся в доме батюшки, – не замечено ничего, что могло бы хоть в какой-то степени подтвердить обвинения.

Епископ оказался человеком трезвомыслящим. К тому же за несколько дней жизни под одной крышей с батюшкой он рассмотрел его поближе и понял, с кем имеет дело.

Священник, который был уверен, что ненавистного соперника уберут с его дороги, был поражен. Все обернулось против него самого. Деваться некуда – батюшка был вынужден признать, что оговорил отца.

Священник оправдывался тем, что слухи передавали ему верные люди».

В другом месте Матрена Распутина писала: «Отец никогда не скрывал, что бывал на радениях хлыстов, но точно так же он никогда не говорил, что разделяет их взгляды... отец, как и любой другой христианин, полагал раскаяние и искупление грехов важной частью духовной жизни, он действительно особенно сильно воздействовал на женщин, благодаря чему и исцелял их успешнее мужчин. Но причина кроется не в особенностях хлыстовства, а в особенностях энергии отца».

Конечно же, своеобразная и независимая жизненная, а точнее, духовная позиция, не могла не привести Распутина к конфликту с церковными властями. Местный иерей обвинил его в сектантстве. Молельню пришлось оставить. «Враг-злодей все же таки навел людей, будто оказалось место лишнее, и мне пришлось переселиться в другое место...» – писал Распутин.

К тому времени уже многие из односельчан убедились в наличии у Григория некоего божественного дара. Распутин впоследствии вспоминал, как однажды на него «накатило» и он начал, невзирая на мороз, бегать по родному селу в одной рубашке и призывать односельчан к покаянию. Выбившись из сил, упал он возле забора, да так и пролежал целые сутки, а когда очнулся, то увидел вокруг себя мужиков, говоривших: «Ты, Гриша, правду сказал, давно надо было бы нам покаяться, а то сегодня в ночь полсела сгорело».

Не стоит думать, что, время от времени возвращаясь домой, Григорий Распутин только и делал, что молился да пророчествовал. Он занимался хозяйством, пахал землю, играл со своими детьми, развлекая их рассказами о том, что ему довелось повидать в чужих землях, и вообще жил жизнью обычного крестьянина. Во время странствий Распутин никогда не забывал о своем доме, о своей семье, куда он возвращался из странствий. Возвращался не вынужденно, а по зову души и велению сердца. Григорий Распутин был убежденным противником вечных странствий и призывал других следовать его примеру. «Странничать нужно только по времени – месяцами, – писал он, – а год чтобы или многие годы, то я много обошел странноприимен – тут я нашел странников, которые не только года, а целые века

все ходят, ходят и до того они бедняжки доходили, что враг в них посеял ересь – самое главное осуждение, и такие стали ленивые, нерадивые, из них мало я находил, только из сотни одного, по стопам Самого Христа. Мы – странники, все плохо можем бороться с врагом. От усталости является зло. Вот по этому поводу и не нужно странничать годами, а если странничать, то нужно иметь крепость и силу на волю и быть глухим, а иногда и немым, то есть смиренным наипаче простячком. Если все это сохранить, то неисчерпаемый тебе колодезь – источник живой воды».

«Посему умоляю вас: подражайте мне, как я Христу.

Для сего я послал к вам Тимофея, моего возлюбленного и верного в Господе сына, который напомнит вам о путях моих во Христе, как я учу везде во всякой церкви.

Как я не иду к вам, то некоторые возгордились; но я скоро приду к вам, если угодно будет Господу, и испытаю не слова возгордившихся, а силу, ибо Царство Божие не в слове, а в силе. Чего вы хотите? с жезлом придти к вам, или с любовью и духом кротости?» (*1 Кор. 4:16–21*)

В двух главных ипостасях воплотился загадочный дар Распутина – в целительской и пророческой.

Основой любого исцеления, своеобразным проводником ниспосланной ему свыше силы Григорий Распутин считал доброту и любовь. Главным же условием, необходимым для исцеления, была вера. Без пробуждения в больном веры исцелить его нельзя. «Труднее всего заставить человека поверить», – говорил Распутин, считая безверие тягчайшей из болезней.

Но Бог милостив. «Нет такого человека, которого нельзя было заставить поверить и утешить, – говорил Григорий. – Хотя с настоящими неверующими плохо... Будешь говорить с ними, меньше всего упоминай про Бога... Главное, полюби, узнай, отчего страдает человек... Не можешь полюбить человека – ничего не выйдет».

Действительно – без любви ничего не выйдет. В любви заключена вся сила бытия, правда, не все это знают.

Пророческий дар Распутина, дар, зачатки которого проявлялись в нем уже в детстве, признавали все – и друзья, и враги. Даже те, кто называл Распутина шарлатаном, признавали, что ему подчас открывается неведомое. Заклятый друг (или приятельный враг) Распутина, отец Илиодор (в миру Сергей Труфанов), писал о нем: «Распутин – пророк прозорливый, натура сильная духом, экзальтированная, глубоко чувствующая и проникающая в души других».

Всякое чудо немыслимо без легенд, которые окружают его и сопутствуют ему. Тот же отец Илиодор вспоминал, как архимандрит Феофан, инспектор Петербургской Духовной академии, говорил ему, бывшему тогда студентом: «Есть еще Божьи люди на свете... Такого мужа великого Бог воздвигает для России из далекой Сибири. Недавно оттуда был один почтенный архимандрит и говорил, что есть в Тобольской губернии, в селе Покровском, три благочестивых брата: Илья, Николай и Григорий... Сидели как-то эти три брата в одной избе, горько печаловались о том, что Господь не посылает людям благословенного дождя на землю... Григорий встал... помолился и твердо произнес: „Три месяца, до самого Покрова, не будет дождя!“ Так и случилось. Дождя не было, и люди плакали от неурожая... Вот вам и Илья-пророк, заключивший небо на три года...»

Оставим сравнение с Ильей-пророком на совести достопочтенного Феофана. В отличие от святого Ильи, известного своей строгостью по отношению к грешникам, Распутин никогда никого не карал и не судил.

Он не был единственным пророком своего времени. Пророков на Руси хватало всегда. Так, современник Григория, оптинский старец Нектарий предсказал и революцию, и гибель императорской семьи. «Государь будет великомученик», – предрекал Нектарий. О судьбах верующих, встревоженных мрачными пророчествами, старец Нектарий отвечал: «Верные

могут не бояться, их оградит благодать. В последние времена с верными будет то же, что было с апостолами перед Успением Богоматери. Каждый верный, где бы он ни был, на облаке будет перенесен в Ковчег-Церковь. Только те, кто будет в Ней, спасутся... Держитесь твердо православия». Недаром ведь сказано, что «печаль ради Бога производит неизменное покаяние ко спасению, а печаль мирская производит смерть» (2 Кор. 7:10).

Внешность Григорий Распутин имел самую что ни на есть крестьянскую. Был он высок, широкоплеч, худощав, но в то же время крепок телом. Лицо его было грубым, с неправильными, далекими от классических эталонов чертами. Бросался в глаза широкий рябой нос, под которым росли вечно неухоженные, «мягкие» на крестьянский манер усы, сливавшиеся с темно-русой растрепанной бородой. Узкие бледные губы его нечасто растягивались в улыбке, но если уж он улыбался, то искренне, от души. В эти редкие мгновения его смуглое от ветра и солнца лицо светлело, а морщины, избороздившие его, частично исчезали. Даже крупные неровные зубы не могли испортить впечатления от улыбки.

Длинные каштановые волосы свои Распутин, по тогдашней народной моде, делил пробормом надвое и нечасто проходил по ним гребнем, отчего они выглядели немного растрепанными.

Из особых примет Распутин имел темное пятно на своем высоком лбу – память о давнем ранении, и небольшой нарост на правом глазу.

Одежду он предпочитал крестьянскую – ходил в грубой, не всегда опрятной холщовой крестьянской рубашке, подвязанной простым кожаным ремешком, в широких домотканых портах и высоких сапогах.

Мужик как мужик, каких на Руси миллионы. Если бы не пронизывающий взгляд из-под кустистых бровей. Взгляд, казалось, берущий свое начало из неведомых глубин и проникающий во все вокруг до самой сути.

Разные люди, видевшие Григория Распутина примерно в одно и то же время, характеризовали его совершенно по-разному. Интересно сравнить эти описания.

Секретарь Распутина Арон Симанович: «Своей внешностью Распутин был настоящий русский крестьянин. Он был крепыш, среднего роста. Его светло-серые острые глаза сидели глубоко. Его взгляд пронизывал. Только немногие его выдерживали. Он содержал суггестивную силу, против которой только редкие люди могли устоять. Он носил длинные, на плечи ниспадающие волосы, которые делали его похожим на монаха или священника. Его каштановые волосы были тяжелые и густые... На лбу Распутин имел шишку, которую он тщательно закрывал своими длинными волосами. Он всегда носил при себе гребенку, которой расчесывал свои длинные, блестящие и всегда умасленные волосы. Борода же его была почти всегда в беспорядке. Распутин только изредка расчесывал ее щеткой. В общем он был довольно чистоплотным и часто купался, но за столом он вел себя малокультурно.

Он пользовался только в редких случаях ножом и вилок и предпочитал брать кушанья с тарелок своими костлявыми и сухими пальцами. Большие куски он разрывал, как зверь. Только немногие могли при этом смотреть на него без отвращения. Его рот был очень велик, но вместо зубов в нем виднелись какие-то черные корешки. Во время еды остатки пищи очень часто застревали в его бороде».

Молодая писательница Вера Жуковская, дружившая с Распутиным, сильнее всего запомнила «мгновенно загорающийся магнетический взгляд светлых глаз, в которых смотрит не один зрачок, а весь глаз». Кстати, о зубах Распутина она писала совершенно противоположное Симановичу: «Зубы были у него безукоризненные и все до одного целы, а дыхание совершенно свежее... белые хлебные зубы, – крепкие, точно звериные». И еще одно высказывание Жуковской: «Надо иметь мужество признать, что Распутин был натурой во всяком случае исключительной и обладал он огромной силой».

Исследователь сектантства В. Д. Бонч-Бруевич вспоминает: «Мое внимание прежде всего обратили его глаза, смотря сосредоточенно и прямо, глаза все время играли каким-то фосфорическим светом. Он все время точно нащупывал глазами слушателей, и иногда вдруг речь его замедлялась, он тянул слова, путался, как бы думая о чем-то другом, и вперялся неотступно в кого-либо, в упор, в глаза, смотря так несколько минут, и все почти нечленораздельно тянул слова. Потом вдруг спохватывался... смущался и торопливо старался перевести разговор. Я заметил, что именно это упорное смотрение производило особенное впечатление на присутствующих, особенно на женщин, которые ужасно смущались этого взгляда, беспокоились и потом сами робко взглядывали на Распутина и иногда точно тянулись к нему еще поговорить, еще услышать, что он скажет...»

Илиодор, он же Сергей Труфанов: «Григорий, поцеловавши меня, упорно и продолжительно посмотрел своими круглыми, неприятно серыми глазами мне в лицо, потом зашлепал своими толстыми, синими, чувственными губами, на которых усы торчали, как две ветхие щетки... Волосы на голове „старца“ были грубо причесаны в скобку... Борода мало походила вообще на бороду, а казалась клочком свалывшейся овчины, приклеенным к его лицу... руки у старца были корявы и нечисты... Был одет в простой дешевый, серого цвета пиджак... брюки поражали своею отвислостью над грубыми халявами мужских сапог». Правда, спустя несколько лет после первой встречи, уже в Петербурге, наряд Распутина станет иным, и тот же Илиодор напишет, что на нем «была малинового атласа русская сорочка, подпоясан он был поясом с большими шелковыми кистями, брюки из дорогого черного сукна сидели на ногах в обтяжку, как у военных, дорогие лакированные сапоги бросались в глаза своим блеском и чистотою».

Премьер-министр граф В. Н. Коковцов: «Меня поразило отвратительное выражение его глаз. Глубоко сидящие в орбите, близко посаженные друг к другу, маленькие, серо-стального цвета, они были пристально направлены на меня, и Распутин долго не сводил их с меня, точно он думал произвести на меня какое-то гипнотическое воздействие или же он просто изучал меня... По внешности ему недоставало только арестантского армяка и бубнового туза на спине».

Историк Морис Палеолог, бывший послом Франции в России: «Длинные, черные, растрепанные волосы, жесткая черная борода, высокий лоб, широкий прямой нос. Но общее впечатление от лица сконцентрировано на глазах – светло-голубых глазах со странными искрами, глубокими и чарующими. Их взгляд был одновременно проникающим и заботливым, наивным и хитрым, прямым и, однако, отдаленным».

Политический ссыльный Александр Сенин: «Самая заурядная физиономия сибирского мужика, худощавое загрубелое лицо, окаймленное большой темно-русой бородой клином, большой нос, грубые черты лица, развитые челюсти, глубоко сидящие серые глаза, очень мутные; цвет лица испитой, не совсем здоровый, русые волосы в скобку, суконная поддевка, лакированные, бутылками сапоги».

Политик и патриот Михаил Меньшиков, впоследствии расстрелянный большевиками: «Испитое, с мелкими чертами лицо, нервное и тревожное, бегающие глаза, тихий голос не то монастырского служки, не то начетчика сектанта, речь отрывистая, отдельными, иногда загадочными изречениями».

Жена богатого московского купца Елена Джанумова, хорошо знавшая Распутина в петербургский период его жизни: «Темная борода, удлиненное лицо с глубоко сидящими серыми глазами... Они впиваются в вас, как будто сразу до самого дна хотят прощупать... Что-то тяжелое в нем есть, как будто материальное давление вы чувствуете, хотя глаза его часто светятся добротой, всегда с долей лукавства, и в них много мягкости. Но какими жестокими они могут быть иногда и как страшны в гневе».

И в завершение описание, данное организатором убийства Распутина Феликсом Юсуповым: «Среднего роста, коренастый и худощавый, с длинными руками, на большой его голове, покрытой взъерошенными спутанными волосами, выше лба виднелась небольшая плешь, которая, как я впоследствии узнал, образовалась от удара, когда его били за конокрадство... Лицо его, обросшее неопрятной бородой, было самое обычное, мужицкое, с крупными некрасивыми чертами, грубым овалом и длинным носом; маленькие светло-серые глаза смотрели из-под густых нависших бровей испытующим и неприятно бегающим взглядом... Он казался непринужденным в своих движениях, и вместе с тем во всей его фигуре чувствовалась какая-то опаска...»

Мало того, что каждый из современников, в зависимости от собственного отношения к Распутину, видел его по-своему. Сам Григорий мог в одно мгновение преображаться – таково было одно из следствий его чудесного дара.

В трактовке этих самых преобразований мнения современников расходились столь же широко, как и в восприятии самой внешности Распутина.

«Он менялся, как хамелеон», – писала великая княгиня Ольга Александровна, сестра Николая II.

Вера Жуковская видела иначе: «Когда вспомнишь эту его диковинную особенность мгновенно изменяться... сейчас сидел простой, неграмотный мужичок, грубоватый, почесывающийся, и язык у него еле шевелится, и слова ползут неповоротливо... и вдруг превращается он во вдохновенного пророка... и... новый скачок перевертыша, и с диким звериным сладострастием скрипят белые зубы, из-за тяжелой завесы морщин бесстыдно кивает какой-то хищный, безудержный, как молодой зверь... и вот уже... на месте распоясанного охальника сидит серый сибирский странник, тридцать лет ищущий Бога по земле».

«Распутин не менялся в обществе государыни, – вспоминала Юлия Ден, приближенная императрицы, – но оставался таким же, каким он был и в нашем обществе. Государыня, видимо, относилась к нему с благоговением: в разговоре с ним она называла его „Григорием“, а за глаза она называла его „отцом Григорием“. В беседах со мной и с Вырубовой она говорила о том, что верит в силу его молитвы».

Глава третья

Старец

Федор Михайлович Достоевский, создатель ставшего классическим образа старца Зосимы, представлял старчество в виде несметной духовной силы, получаемой человеком в обмен на полный отказ от своей воли, своих страстей, своих желаний.

«Прежде всего умертвим волю свою в себе, все восстающие страсти, помыслы худые, ропот против других, всякие подозрения, в особенности клятвы злостные: „ибо всяк клеветущий на брата своего человека – убийца есть. А в миролюбии пребывающий чудотворец есть“». «Блаженни миротворцы, яко тии сынове Божии нарекутся», – призывал известный старец Гавриил в одном из своих писем к насельникам Марфо-Мариинской обители. – «Поэтому нужно быть осмотрительну, смотреть всякому свои недостатки и быть послушным; „смирйя себя вознесется“. Стараясь быть участниками Его страданий, тогда и будем участниками славы Его. Умертвим все в себе страсти, похоть очей, всякую злобу, не будем завидовать другим, удержим язык свой от клеветы и осуждения. Возьмем всякий крест свой и последуем за Иисусом: итак, все заключается в кресте и все состоит в смерти.

Нет другого пути в жизни истинному внутреннему миру, как путь Св. Креста и непрерывного самоумерщвления. Иди куда хочешь, ищи чего угодно и сколько угодно, не найти ни на небе пути возвышеннее, ни на земле пути вернее, как путь крестный. Никто живет не чувствует страданий Христовых, как тот, кому случалось терпеть что-нибудь подобное – с решимостью смиренно нести крест.

Крест всегда есть, везде и всюду ожидает нас, и мы не можем избежать его, потому что мы сами себя не избежим и везде найдем себя».

Благодатное старчество считается одним из высочайших достижений духовной жизни христианина, ее венцом, чудесным плодом безмолвия, созерцания и постижения божественного. Оно неразрывно связано с внутренним подвигом, имеющим целью своей достижение полного бесстрастия.

Лишь праведный старец, прошедший школу послушания, в совершенстве познавший духовно-психические законы и самолично достигший бесстрастия, способен руководить другими, ведя их по пути спасения и «невидимой брани» добра со злом в душе человеческой.

Какими же неперемненными качествами должен обладать старец?

Во-первых, он должен проникать своею мудростью до самых сокровенных глубин души человеческой, прозревать как зарождение зла, так и причины этого зарождения. Но одного прозрения мало – старец должен указывать ученикам и последователям своим точный и верный путь к спасению, к избавлению от грехов.

Во-вторых, старец непременно должен обладать даром рассуждения и различения добра и зла, ведь ему постоянно приходится иметь дело со злом, всячески пытающимся натянуть на себя личину добра.

В-третьих, как достигший полного бесстрастия, свободный от всего суетного, старец обладает такими духовными дарами, как прозорливость и пророчество, а вкпе с ними и способностью творить истинные чудеса. Преподобный Варсонофий Оптинский говорил: «Старцев называют прозорливцами, указывая тем, что они могут видеть будущее: да, великая благодать дается старчеству – это дар рассуждения. Это есть наивеличайший дар, даваемый Богом человеку. У них, кроме физических очей, имеются еще очи духовные, перед которыми открывается душа человеческая. Прежде чем человек подумает, прежде чем возникла у него мысль, они видят ее духовными очами, даже видят причину возникновения такой мысли. И от них не сокрыто ничего».

Ученики, или, говоря правильнее, духовные дети в отношении к своему старцу-наставнику должны придерживаться следующих принципов: полной веры, или абсолютного доверия, искренности в словах и делах, полной покорности, совершенного и чистого исповедания грехов и тайн сердечных. Ученик не должен ни в чем, даже в самом малом, руководствоваться своей собственной волей – ему надлежит исполнять только волю наставника. Искреннее и безграничное повиновение старцу есть самый верный и самый короткий путь к спасению души.

Старчество не представляет собой никакой церковной иерархической степени, ибо сказано: «Дух дышит, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит» (Иоанн 3:8). Старцем может быть и монах, и епископ церкви, и иерей, и просто благочестивый христианин. Старчеством может как мужчина, так и женщина. Главное условие – святость жизни, ведь старчество есть не что иное, как пророческое служение, а от пророков с момента возникновения христианства требовалось непременно обладание «нравом Господа».

В основе старчества, представляемого высшим из духовных подвигов человеческих, лежит стремление к достижению чистейшего мышления без помощи слов и иных символов. Вся внутренняя, духовная жизнь старца концентрируется на единой и всеобъемлющей божественной идее.

Достичь понимания этой идеи непросто. Даже для того чтобы хотя бы немного приблизиться к ней, необходимо полное самопознание, доскональное изучение самых малейших, самых незначительных движений собственной души. Самопознание это, называемое идеологами старчества «изошренным систематическим самонаблюдением», достигается путем послушания и уединения, позволяющих произвести всеобъемлющий анализ составляющих греха и добродетели, изучение помыслов.

В старчестве понятие помысла является стержневым, ибо наблюдение, различение и контроль над помыслами составляют главную задачу любого старца, лежат в основе его аскетического подвига.

Различение помыслов, иначе говоря – отделение добра от зла, дается непросто. Этот, без всякого преувеличения, подвиг весьма труден и достигается путем истинного благоразумия и трезвого рассуждения, способностей, приобретаемых старцем не столько из книг, сколько из собственного опыта.

Понятие опыта в старчестве поистине бесценно. Без опыта нет старца, подобно тому, как без семян не бывает всходов. Опыт есть то духовное зерно, которое прорастает при помощи благодати Божией и дает поистине изумительные, чудесные плоды. Благодати, ниспосланной свыше, которую можно снискать лишь праведной жизнью.

Благодать – это праведность, благодать – это искренность, благодать – это чистота помыслов. Из понятия благодати вытекает понятие наставничества, духовного руководства, учительства.

Наставничество немыслимо без послушания, которое непременно должно быть всеобъемлющим, целостным, безотлагательным и безукоризненно точным. Считается, что послушание стоит выше подвижничества и духовной чистоты, поскольку оно, по выражению одного из великих старцев, отца Моисея, рождает смирение и приносит терпение, великодушие, сокрушение, братолюбие и любовь, что «суть воинственные оружия наши».

Любовь, порожденная послушанием, поистине безгранична и бесценна. «Любовь стремительна, искренна, благоговейна, приятна, сильна, терпелива, верна, благоразумна, великодушна, мужественна, никогда не ищет самой себя, ибо как скоро человек начинает думать о своих выгодах – так перестает любить, – писал старец Гавриил. – Любовь осторожна, смиренна и прямодушна, она не изнеженна, не легкомысленна, не гонится за суетой, трезвенна, целомудренна, непоколебима, стойка, спокойна, бдительна над чувствами своими. Любовь

послушна и почтительна к высшим, себя не вменяет ни во что, предана Богу и всегда Ему благодарна». «Какое наслаждение – любовь, – писал в одном из своих писем святитель Игнатий Брянчанинов. – Пишу к вам и на языке моем чувствую какую-то особенную сладость. Это сладость древа райского». Он также называл любовь «печатью души, способной для неба». Считается, что враг-искуситель может подражать посту и бдению, но никогда не в силах изображать смирение и любовь.

Оптинский старец Макарий в письме двум духовным сестрам своим, живущим в монастыре, указывал на неразрывную связь любви и смирения. «Любовь без смирения не может быть прочна и тверда, – писал он. – Я заметил в письмах ваших: обе вы лишились мира, каждая в свою очередь ни от чего другого, как от самолюбия; а уже смирению тут не только места не было, но и далеко отгонялось... Не смущайтесь и о том, – пишет он в своих письмах дальше, – что подвижутся в вас страсти: надобно, чтобы была работа и труд; покой рано иметь, он еще не приобретен; все, что скоро и без труда приобретается, непрочное бывает».

В составленном Игнатием Брянчаниновым «Отчнике», повествующем о жизни великих старцев, сказано: «И ныне рабы Христовы сподобляются видеть различные духовные видения, которым некоторые не верят, никак не хотят признать их истинными, но признают прелестью, и видящих считают прельстившимися. Очень удивляюсь, как эти слепотствующие душою не веруют благодати Духа... Эту благодать и ныне подает Христос и будет подавать даже до кончины мира по обетованию Своему верным рабам Своим».

Считали «прельстившимся», то есть обманутым (а то и обманщиком) и Григория Распутина. Привычка объявлять непостижимое ложным очень глубоко укоренилась в людях. Оно и понятно – так ведь проще.

«Из всей церковной истории не известно, чтобы мирянин, не монах, не прошедший искуса в послушании у подлинно духовного старца, мог иметь в таком молодом возрасте чрезвычайные благодатные дары прозорливости и исцелений, – писал о Распутине его недруг епископ Дионисий. – Для сравнения можно сослаться на истинных святых, почти современников Распутина, старцев Оптинских, стяжавших обильные дары Св. Духа. Девство, пост, строгое послушание в благоустроенной обители под руководством неложного духоносного руководителя, удаленность от мирских соблазнов и при этом долгие годы борьбы со страстями, с помыслами, искушениями, годы скорбей – и лишь после всего этого особые духовные дары, подаваемые ради служения ближним, и то далеко не всякому подвижнику».

Дабы не казаться пристрастным, Дионисий допускает ряд оговорок: «Известны из истории Русской Церкви носители особых дарований духовных из чина юродивых Христа ради, например, такие, как бл. (блаженная. – А. Ш.) Ксения Петербургская или Паша Саровская. Но и такие рабы Божие стяжали свои духовные дары долгими годами жестокого аскетического жития, через поношения от Мира сего, считавшего их безумными. Надо сказать, что уже в XIX веке подлинные юродивые Христа ради почти исчезли, зато размножились лже-юродивые, духовно прельщенные или самозванцы.

Определенное исключение из этого правила святости составлял св. Иоанн Кронштадтский, который формально не был монахом и не имел своим духовным руководителем старца. Поэтому он вызывал при жизни, особенно в начале своего подвига, настороженное и даже подозрительное отношение со стороны церковной иерархии, в том числе и такого высоко духовного человека, как св. Феофан Затворник. Но о. Иоанн был девственником и проводил строгую аскетическую жизнь втайне».

Поиски Григорием Распутиным мудрых наставников не могли оказаться безуспешными, ведь сказано: «Ищущий да обрящет». Преподобный Симеон Богослов учил: «Молитвами и слезами умоли Бога показать тебе человека, который бы мог хорошо упасти тебя».

И еще говорил он: «Лучше называться учеником ученика, а не жить самочинно и обирать бесполезные плоды своей воли».

Душа Распутина, жаждавшая истины, откровения, словно губка впитывала все те знания, которые ей предоставляла жизнь. Неграмотный крестьянин постепенно превращался в умудренного богатым жизненным опытом старца, человека, продвинувшегося в постижении сокровенного знания и делящегося своим знанием, своим даром с другими людьми. В простодушной доверчивой доброте своей Распутин нередко забывал о словах из Писания, гласящих: «Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями, чтобы они не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас» (*Матф. 7:6*), что дало повод недоброжелателям упрекать его в своекорыстии. Распутин не любил оправдываться, то ли считая это ниже своего достоинства, то ли попросту возвышаясь над суетным. Он только говорил: «Все человеку простится... и воровство, и убийство, и блуд, а лицемерие – никогда».

«Бог есть любовь, Бог есть правда, Бог есть природа, Бог есть радость и веселье» – вот каков был религиозный идеал старца Григория Распутина. Святость он связывал с любовью, правдой и радостью, а не с сухой и изнурительной монашеской аскезой, в которой умерщвление плоти, доставляющее человеку незаслуженные страдания, часто приводило не к святости, а к гордыне и оттуда напрямик в сети к дьяволу.

Распутин никогда не отделял религию от радости. «Молиться Богу можно в танце так же хорошо, как и в монастыре, хвалить Его в радости за то добро, что Он создал, – утверждал он. – И царь Давид танцевал перед ковчегом Господа. – И уточнял: – Нет, Бог веселым от рая не откажет, а наипаче их возлюбит, но только веселиться нужно во Господе».

Веселиться во Господе, во славу Божию.

Распутин всегда выступал против всех видов самоистязаний, как нравственных, так и телесных. Светлая душа его не принимала долгих паломничеств, изнурительных постов, надуманных ограничений и вообще всяческих крайностей. «С большого поста, – писал он, – нервы расстраиваются и не хочет человек разговаривать ни с кем, все кажется в очах его из грешников грешники... Вот где нас добыл враг, где нам поставили сети: в посте, в молитве, достал нас чудотворцами, и явилась у нас на все прелесть, тут-то мы забыли дни и ночи, и евангельское слово отстоит далеко от нас».

Старец Григорий призывал ближних своих держаться во всем разумной середины: не пренебрегать молитвами да постами, но и не изнурять себя ими. Он советовал «брать пример самый легкий с животных, с лошадей: посмотри, если на сытой лошади поедешь – она убьет, а на голодной – устанет, держись середины – тогда не убьет, не пристанет, а как раз добежит до столба. Так и молиться надо». Распутин предостерегал людей от составления ложного мнения о своей святости, напоминая о несовершенстве человеческой природы: «Нет святых на земле, пока человек жив, он грешен».

Взращенный в лоне православного христианства, Распутин исповедовал весьма редкий для того времени экуменизм. Он утверждал, что все религии являют собой не что иное, как разное восприятие одного и того же Бога и разное по способам служение ему. Поистине великая прозорливость. «Триста вер в свете – триста истин... У каждого человека в душе своя библия, – простодушно, наивно, но убежденно писал Распутин. – Я вот убедился в том, что платье у турок такое же, как у христиан и евреев... Сначала уничтожили это различие, а потом и на веру перейдет... сначала на одежду прельстятся все инородцы, а потом из них будет Единая Церковь».

Загадочный дар Григория Распутина был настолько велик, что даже упоминавшийся здесь следователь Чрезвычайной следственной комиссии по расследованию противозаконных действий министров и прочих должностных лиц царского режима Смиттен писал о нем, основываясь на сотнях свидетельских показаний: «Почти всегда общение с ним вносило

подъем, интерес, а в скорбную душу – бодрость, надежду, утешение и даже радость. Как умный и чуткий человек, он умел расшифровывать чужое страдание и иногда несколькими вовремя сказанными словами, каким-нибудь сравнением ослабить или даже совсем изъять его из души».

Целитель и знаток душ человеческих, он не мог остаться не замеченным как простыми людьми, так и сильными мира сего.

«Весь облик отца, его поведение, манера говорить, сам ход его мыслей мало вязались с традиционными представлениями о старцах – благостных, спокойных (прежде всего – спокойных!), – писала Матрена Распутина. – Он был новый тип, рожденный самим временем. Новый – это очень важное объяснение. Однако оно нуждается в дополнении, которое никто до сих пор так и не сумел или не осмелился сделать. Мой отец действительно был старцем, но только старцем, которому не был чужд мир, старцем, помыслами живущим на земле. Он был мирской со всех точек зрения. Он знал секрет – как спастись в этой жизни».

Глава четвертая Восхождение

Поэт Николай Гумилев в своем стихотворении «Мужик» не упоминал имени Григория Распутина, но всем и так было ясно, о ком идет речь. Подобно большинству монархистов, Гумилев видел в Распутине корень всех бед Российской империи.

В чашах, в болотах огромных,
У оловянной реки,
В срубах мохнатых и темных
Странные есть мужики.
Выйдет такой в бездорожье,
Где разбежался ковыль,
Слушает крики Стрибожьи,
Чуя старинную быль...
В гордую нашу столицу
Входит он – Боже, спаси! —
Обворожает царицу
Необозримой Руси
Взглядом, улыбкою детской,
Речью такой озорной, —
И на груди молодецкой
Крест просиял золотой.
Как не погнулись – о, горе! —
Как не покинули мест
Крест на Казанском соборе
И на Исакии крест?..

Кресты на Казанском и Исаакиевском соборах стоят на своих местах и поныне.

Золотой крест с монограммой «Н» («Новый»), подаренный царем и царицей Распутину, где-то затерялся.

Царица «необозримой Руси» пережила «обворожившего» ее мужика ненамного. Все герои этой книги давно ушли в небытие, став частью истории. Весьма любопытной, надо заметить, ее частью.

До сих пор не смолкают споры о том, кем был загадочный сибирский старец.

Святым?

Дьяволом?

Или, по выражению иеромонаха Илиодора, и тем, и другим – святым дьяволом?

Все началось с купчихи-миллионерши Башмаковой, о которой сам Распутин говорил так: «Простая душа. Богатая была, очень богатая и все отдала... Новое наследство получила, но опять все раздала... И еще получит, и опять все раздаст, такой уж человек». Они познакомились в 1903 году на богомолье в Абалакском монастыре.

Именно с Башмаковой и началось восхождение Григория Распутина к высотам поистине заоблачным.

Духовное утешение, полученное Башмаковой от Григория, было настолько велико, что она привезла его в Казань, где познакомила со многими влиятельными людьми, в числе которых был и викарный епископ Казанской епархии Хрисанф. Распутин произвел на казанское

высшее общество сильное впечатление – настолько сильное, что Хрисанф дал ему рекомендательное письмо к ректору Петербургской Духовной академии епископу Сергию.

Небывалый, неслыханный, поистине невозможный случай! Невесть откуда появившийся мужик ни с того ни с сего получает от одного из влиятельных иерархов Православной церкви рекомендательное письмо к другому, еще более влиятельному!

Можно, конечно, заподозрить, что рекомендация эта была просто куплена Башмаковой для ее обожаемого старца Григория, но эта версия не выдержит критики. Посудите сами, разве мог викарный епископ Казанской епархии рекомендовать ректору Петербургской Духовной академии заведомого шарлатана, пусть даже и за мзду? Подобный поступок был бы чреват весьма нежелательными для епископа Хрисанфа последствиями, не говоря уж о том, что он выставил бы себя на всеобщее посмешище, ведь кому, как не иерархам, положено «отделять зерна от плевел».

Можно сказать, что Григорий Распутин стал пешкой в заговоре отцов Православной церкви, пожелавших отвратить императора и императрицу от чужеземных шарлатанов, подсунув шарлатана отечественного, доморощенного. Эту версию очень любили большевики, пришедшие к власти в результате блестяще спланированной и великолепно выполненной операции германского Генерального штаба. Однако с одной стороны, этот самый «заговор иерархов» ничем и никем не подтвержден, а с другой стороны, Григорий Распутин был далеко не единственным православным отечественным странником и прорицателем, которого привечали как в Петербурге, так и при дворе. Достаточно вспомнить хотя бы небезызвестного Митю Козельского или юрдовую Матрену по прозвищу «босоножка».

Вне всякого сомнения, причина, по которой Хрисанф дал Распутину рекомендацию, могла быть только одна – он действительно был изумлен чудесными способностями старца (в то время только миновавшего возраст Христа), убедился в божественной природе его дара и понимал, что столь интересная и самобытная личность заслуживает столичного внимания.

Немалую роль в формировании благоприятного отношения к Григорию Распутину сыграло благоволение к нему весьма известного своей праведностью и почитаемого в народе старца Гавриила из Седмиезерского скита.

Судьбы Гавриила и Григория Распутина несколько схожи. Подобно Распутину, Гавриил совершил в молодые годы паломничество в Верхотурский монастырь и получил от святого Симеона Верхотурского исцеление от своих болезней. Подобно Распутину, Гавриила хорошо знали в Петербурге – великая княгиня Елизавета Федоровна была частой гостьей седмиезерского старца. Подобно Распутину, Гавриил обладал даром исцеления, чему сохранилось множество свидетельств.

Старец Гавриил рассказывал, что, узнав о предстоящей поездке Распутина в Петербург, он подумал про себя: «Пропадешь ты в Петербурге, испортишься ты в Петербурге», – в ответ на что Распутин, словно прочитав его мысль, сказал: «А Бог? А Бог?»

Впоследствии пути их разошлись. Разошлись настолько, что, попав под влияние врагов Распутина, Гавриил однажды сказал о нем: «Убить его что паука: сорок грехов простится...» Об этой столь нехарактерной в своей резкости для старца Гавриила фразе, сказанной им великой княгине Елизавете Федоровне, известно из книги епископа Варнавы «Тернистым путем к небу». Правда, сам автор сказанного не слышал, а писал о нем со слов старца Зосимовой пустыни Алексия (того самого, который при избрании Патриарха на Поместном соборе 1917–1918 годов вынул жребий, указавший на святителя Тихона).

Великая княгиня Елизавета Федоровна постоянно посещала Зосимову пустынь для молитвы и исповеди у старца Алексия. Кроме вытягивания патриаршего жребия иеромонах Алексей был известен своим призывом к верующим молиться за безбожную, атеистическую по своей идеологии Советскую власть. «Только благодать молитвы может разрушить

ту стену вражды и ненависти, которая встала между Церковью и советской властью. Моли-тесь – может быть, благодать молитвы пробьет эту стену», – сказал Алексей в 1927 году.

Итак, в 1904 году Григорий Распутин отправился в Петербург с рекомендательным письмом епископа Хрисанфа в кармане. Ехал он добывать денег для постройки новой церкви в родном селе Покровском. Сам Григорий писал об этом так: «Я простой мужичок, когда вообще благодетелей искал, ехал из Тобольской губернии с одним рублем, посматривая по дороге по Каме, как господа лепешки валяли в воду, а у меня и чайку нет на закладку. Как это было пережить! Приезжаю в Петербург... выхожу из Александрово-Невской лавры, спрашиваю некоего епископа Духовной академии Сергия. Полиция подошла: „какой ты есть епископу друг, ты – хулиган, приятель“. По милости Божией пробежал задними воротами, разыскал швейцара с помощью привратников. Швейцар оказал мне милость, дав в шею; я стал перед ним на колени, он что-то особенное понял во мне и доложил епископу; епископ признал меня, увидел, и вот мы стали беседовать тогда. Рассказывал мне о Петербурге, знакомил с улицами и прочим, а потом с Высокопоставленными, а там дошло и до Батюшки Царя, который оказал мне милость, понял меня и дал денег на храм».

Кто-то из биографов Распутина полностью верит этому трогательному рассказу, кто-то опровергает его, утверждая, что Распутин, имевший столь вескую рекомендацию, беспрепятственно получил аудиенцию у ректора Петербургской Духовной академии епископа Сергия.

Есть расхождения и в личности иерарха, познакомившего Распутина с «царем-батюшкой». Если по рассказу самого Григория можно подумать, что эту миссию выполнил епископ Сергей, то многие современники настаивали на том, что в императорский дворец Распутина ввел епископ Феофан. И утверждали это в один голос весьма авторитетные люди.

«Распутина ввел во дворец весьма умный иерарх Церкви епископ Феофан, – писал камергер и товарищ (заместитель) министра внутренних дел Владимир Гурко. – Личность преосвященного Феофана стяжала себе всеобщее уважение своими прекрасными душевными качествами. Это был чистый, твердый и христианской веры в духе истого православия и христианского смирения человек. Двух мнений о нем не было. Вокруг него низкие интриги и происки иметь места не могли бы, ибо это был нравственный и убежденный служитель алтаря Господня, чуждый политики и честолюбивых запросов».

Тем более непонятным и странным покажется то обстоятельство, что к императорскому Двору именно им был введен Распутин», – вторит ему крупный помещик, бывший председателем Государственной думы, Михаил Родзянко.

«В сферу личной жизни Императрицы вошел Распутин. Она не искала его. Он был введен к ней архиепископом Феофаном, указавшим на него как на „старца“, на котором почит благодать Божия», – писал саратовский губернатор П. П. Стремоухов.

«Сам человек глубоко религиозного настроения, широко известный своей аскетической жизнью и строгостью к себе и к людям, Епископ Феофан... долго присматривался к Распутину и вынес затем убеждение, что он имеет перед собой, во всяком случае, незаурядного представителя нашего простонародья, который достоин того, чтобы о нем услышала Императрица, всегда интересовавшаяся людьми, сумевшими подняться до высоты молитвенного настроения».

Впоследствии Преосвященный Феофан глубоко разочаровался в Распутине и до самого последнего времени искренно скорбит об оказании ему поддержки.

Императрица разрешила Епископу Феофану привезти Распутина в Царское Село и, после краткой с ним беседы, пожелала не ограничиться этим первым свиданием, а захотела ближе узнать, что это за человек», – писал в эмиграции В. Н. Коковцов, бывший в 1911–1914 годах российским премьер-министром.

Сохранились свидетельства не только светские, но и церковные.

«Архимандриту Феофану, человеку высокой подвижнической жизни, Распутин показался религиозно значительной, духовно настроенной личностью, и он вовлек в знакомство с ним Саратовского епископа Гермогена, который с ним и подружился. Архимандрит Феофан был духовником великих княгинь Милицы Николаевны и Анастасии Николаевны („черногорок“); к ним Распутина он и привел, а они ввели его в царскую семью», – писал в своих воспоминаниях митрополит Евлогий.

«Но к несчастью царицы, этот ученый аскет оказался на практике совершенно неопытным в духовной жизни. Он не умел познавать подлинное состояние души человеческой. Он сам долгое время верил в Г. Е. Распутина как истинного подвижника, молитвенника и прозорливца. Это первая ошибка епископа Феофана. После такой рекомендации не малообразованного духовника, а магистра богословия, епископа и духовника, которому верили, как же было не поверить, особенно Императрице, так жаждавшей истинного духовного утешения после перенесенных безпримерных скорбей. Первое время епископ Феофан бывал во Дворце вместе с рекомендованным им старцем из крестьян, который загадочными словами сумел произвести хорошее впечатление», – писал игумен Серафим.

И даже поэтесса Зинаида Гippiус не осталась в стороне: «...несчастливого еп. Феофана... толкнул злой дух направить сибирского „старца“ в дом Романовых».

«Толкнул злой дух» – именно так, а не иначе.

Несмотря на столь великое множество свидетельств, сам преподобный Феофан отрицал свое участие в знакомстве Григория Распутина с царской семьей. Он писал: «Каким образом Распутин познакомился с семьей бывшего императора, мне совершенно не известно. И я решительно утверждаю, что в этом я никогда ему ничем не содействовал. Догадываюсь, что Распутин проник в царскую семью не совсем прямым путем... Сам Распутин об этом не говорил никогда, несмотря на то, что он вообще достаточно разговорчив... Я замечал, что у Распутина было сильное желание попасть в дом бывшего императора и что проник он туда против воли великой княгини Милицы Николаевны. Сам Распутин сознавался мне, что он скрывает от Милицы Николаевны знакомство свое с царской семьей».

Существует версия, согласно которой Распутина ввели во дворец черногорские княгини Милица Николаевна и Анастасия Николаевна, которые были очень близки к императрице. Они были дочерьми черногорского князя Николая Негоша, еще в детстве привезенными в Россию и отданными на воспитание в Смольный институт. Впоследствии обе сестры оказались замужем за великими князьями, Анастасия за Николаем Николаевичем, а Милица за Петром Николаевичем, и стали подругами императрицы Александры Федоровны (тогда еще Алисы Гессенской), сразу же по ее приезде в Россию. «Великая княгиня Милица Николаевна была очень начитана, – вспоминал Феофан, знакомый с обеими сестрами, – знала святоотеческую, мистическую и аскетическую литературу и издала даже собственный труд – „Избранные места из святых отцов“».

Эта версия известна в первую очередь благодаря секретарю Распутина, Арону Симановичу, который в своей известной книге «Распутин и евреи» писал: «Распутин появился за девять лет до начала великой войны, и дальнейшие события я буду передавать по рассказам самого Распутина. Великая княгиня Анастасия, супруга Николая Николаевича, и ее сестра Милица отправились на богомолье в Киев. Они остановились в подворье Михайловского монастыря. Однажды утром они на дворе монастыря заметили обыкновенного странника, занятого колкой дров. Он работал для добывания себе пропитания. Это был Распутин. Он уже посетил много святых мест и монастырей и находился на обратном пути своего второго путешествия в Иерусалим.

Распутин пристально посмотрел на дам и почтительно им поклонился. Они задали ему несколько вопросов, и таким образом завязался разговор. Незнакомый странник показался дамам очень интересным. Он рассказывал о своих странствованиях по святым местам и о

своей жизни. Он много видел и пережил. Два раза он пешком проделал далекую дорогу из Тобольска в Иерусалим и знал все знаменитые большие монастыри, а также мог многое рассказать о знаменитых монахах. Его рассказ привлекал высокопоставленных дам, и его повествования на религиозные темы импонировали им. Первое знакомство закончилось приглашением его на чай.

Распутин вскоре воспользовался приглашением. Великие княгини, которые свою поездку на богомолье совершали инкогнито, скучали, и рассказы Распутина доставляли им развлечение, которого им не доставало. Поэтому они радовались видеть в своих покоях своеобразную характерную фигуру Распутина.

Распутин рассказывал своим новым незнакомкам, что он простой человек из села Покровского, Тобольской губернии... Далее Распутин рассказывал, что хотя он человек и необразованный, еле разбирающий грамоту, он часто на железнодорожных станциях и паромных пристанях проповедует народу. Он гордился своим проповедническим талантом и утверждал, что ему нетрудно побороть даже ученых миссионеров и богословов. В особенности он подчеркивал свое знание „церковного права“, но трудно было уяснить, что он понимает под церковным правом. Во всяком случае, несомненно одно, что Распутин своими религиозными познаниями приводил в изумление даже епископов и академически образованных богословов.

Посещения Распутиным петербургских дам становились все чаще. Они охотно с ним встречались, угощали его и относились к нему весьма любезно. В личности Распутина было что-то, что привлекало людей к нему. В особенности дамы, сами того не замечая, легко попадали под его влияние.

Когда Распутин узнал, кто его новые знакомые, он в особенности постарался заручиться их расположением, значение которого для него сразу стало ясным. Конечно, он в то время еще и не предвидел, какая значительная роль ему предначертана при царском дворе, но сразу сообразил, какие блестящие возможности ему открываются.

Распутин сообщил дамам, что он обладает способностью излечивать все болезни, никого не боится, может предсказать будущее и отвести предстоящее несчастье. В его рассказах было много огня и убедительности, и его серые пронизывающие глаза блестели так суггестивно, что его слушательниц охватывало какое-то восхищение перед ним. Они проявляли перед ним какое-то мистическое поклонение.

Легко поддающиеся суеверию, они были убеждены, что перед ними чудотворец, которого искали их сердца. Одна из них спросила его как-то вечером, может ли он излечить гемофилию. Ответ Распутина был утвердительным, причем он пояснил, что болезнь эта ему хорошо известна, и описал ее симптомы с изумительной точностью. Нарисованная картина болезни вполне соответствовала страданиям цесаревича.

Еще большее впечатление оставило его заявление, что он уже излечил несколько лиц от этой болезни. Он называл также травы, которые для этого применялись им. Дамы были счастливы, что им представляется возможность оказать царской чете громадную услугу излечением ее сына.

Они поведали Распутину о болезни наследника, о которой в то время в обществе еще ничего не было известно, и он предложил излечить его. Таким образом завязался узел, развязка которого последовала лишь убийством чудотворца и бурями второй революции. Началось царствование Распутина».

Одна из придворных дам императрицы, Мария Густавовна Тютельберг, достаточно долго прослужившая при Александре Федоровне, также рассказывала, что именно Анастасия Николаевна указала императрице на Распутина как на человека, имеющего особую силу исцелять своей молитвой.

Впервые увидев Распутина, Мария Тутельберг с пренебрежением отозвалась о нем как о простом, необразованном мужике и услышала в ответ от императрицы, что Христос набирал учеников не из ученых богословов, а из простых мужиков – рыбаков и плотников.

Если с обстоятельствами знакомства Григория Распутина и императорской семьи далеко не все ясно, то относительно основной причины расположения к нему царя и царицы сомнений быть не может. Все современники и биографы сходятся на том, что Григорию Распутину удалось достичь столь почетного положения при дворе в первую очередь благодаря умению оказывать помощь тяжело больному наследнику российского престола, несчастному царевичу Алексею.

Стипендиат (что-то вроде аспиранта) Петербургской Духовной академии Федченков, будущий митрополит Вениамин, хорошо знавший Распутина и даже редактировавший по поручению императрицы его краткую автобиографию, вспоминал о своей первой встрече с таинственным сибирским старцем на квартире у ректора, происходившей в присутствии двух епископов – Сергия и Феофана: «Распутин сразу произвел на меня сильное впечатление как необычайной напряженностью своей личности (он был точно натянутый лук или пружина), так и острым пониманием души... И конечно, он этим производил большое впечатление на людей. Епископ Сергий, однако, не сделался его почитателем. И кажется, Распутин никогда больше не посещал его... Но зато о. Феофан всецело увлекся пришельцем, увидев в нем конкретный образ „раба Божия“, „святого человека“. И Распутин расположился к нему особенно. Начались частые свидания их. Я как один из близких почитателей о. Феофана тоже уверовал в святость „старца“ и был постоянным слушателем бесед его с моим инспектором. А говорил он всегда очень остроумно. Вообще, Распутин был человек совершенно незаурядный и по острому уму, и по религиозной направленности. Нужно было видеть его, как он молился в храме: стоит точно натянутая струна, лицом обращен к высоте, потом начнет быстро-быстро креститься и кланяться».

Вениамин очень метко и образно сравнивал Распутина с горящим факелом, внезапно появившимся среди охладевших сердцем и душой верующих людей. «Какого он духа, качества, мы не хотели, да и не умели разбираться, не имея для этого собственного опыта, – писал он. – А блеск новой кометы, естественно, привлек внимание».

Как непохожи эти слова на мнение председателя Государственной думы М. В. Родзянко, писавшего о Распутине: «Это был, еще до появления его в Петербурге, субъект, совершенно свободный от всякой нравственной этики, чуждый добросовестности, алчный до материальной наживы, смелый до нахальства и не стесняющийся в выборе средств для достижения намеченной цели».

Навряд ли Родзянко был объективен. Достаточно вспомнить, что один из убийц (и вдобавок – организатор убийства) Григория Распутина, князь Феликс Юсупов, приходился ему племянником. Даже такой ярый враг Распутина, каким стал саратовский епископ Гермоген, писал о нем вскоре после его трагической гибели: «Он обладал известной внутренней чуткостью, умел проявить участие, и скажу откровенно, я это испытал на себе: он не раз отвечал на мои сердечные скорби. Этим он покори́л меня, этим же – по крайней мере, в начале своей карьеры, – покори́л и других».

Поэтому не стоит вслед за Родзянко считать Григория Распутина примитивным шарлатаном или авантюристом. Распутин был незаурядным человеком, на деле обладавшим особыми, поистине мистическими духовными способностями. И дома, и в странствиях, и в столице, и при дворе он оставался самым собой – человеком, ищущим Бога, странником, исповедующим любовь. «Много, много я кое-где был, бывал у сановников и офицеров и князей даже, пришлось Романовское поколение видеть и быть в покоях Батюшки Царя, – писал Распутин. – Везде нужна подготовка, и смирение, и любовь. Вот и я ценю, что в любви пребывает Христос, то есть неотходно есть на тебя благодать – только бы не искоренилась

любовь, а она никогда не искоренится, если ставить себя невысоко, а любить побольше. Все ученые и знатные бояре и князья слушают от любви слово правды, потому что если в тебе любовь есть – ложь не приблизится».

Разумеется, знакомство со столичной жизнью не могло пройти для Распутина бесследно. Он был поражен Петербургом, столь непохожим на глухое таежное село, в котором ему довелось родиться. «Город ему не понравился, – писала об отце Матрена Распутина. – Потом он говорил мне, что ему душно здесь. Нежелание свое сразу уехать обратно объяснил так: „Меня держит здесь“».

Арон Симанович говорил о Распутине: «Он оставался в столице беспомощным и чужим. Несмотря на свою близость к царской семье, он оставался одиноким. Его могучий и чувственный темперамент требовал сильных и возбуждающих переживаний.

Он любил вино, женщин, музыку, танцы и продолжительные и интересные разговоры. При царском дворе он этого ничего не имел. Во дворце велась совершенно особая жизнь, и творившиеся там человеческие низости оставались скрытыми под маской притворства и кажущейся добродетели».

Глава пятая

Император и императрица

Власть самодержавного монарха, не ограниченного никем и ничем, поистине огромна. Он по своей воле назначает и смещает министров и прочих высших чиновников, полностью руководя их действиями, заключает договоры с другими правителями, дает подданным законы, наказывает и милует...

Короче говоря – правит как хочет. Правит как может. У кого-то это получается хорошо, у кого-то – не очень.

Николай II, последний царь из династии Романовых, был далеко не самым лучшим правителем в истории государства Российского. Интеллигентный, слабохарактерный человек самых заурядных способностей. Перефразируя слова Григория Распутина о священниках, можно сказать: «Ему бы в исправники, а он царем стал». Николай II, как вспоминал придворный генерал Мосолов, «по природе своей был весьма застенчив, не любил спорить, отчасти вследствие болезненно развитого самолюбия, отчасти из опасения, что ему могут доказать неправоту его взглядов или убедить других в этом».

Секретарь Распутина Арон Симанович, бывший лично знакомым с последним российским императором, оставил нам весьма яркую и обстоятельную характеристику Николая II. «В сущности, я Николая II всегда жалел, – писал Симанович. – Без сомнения, он был глубоко несчастный человек. Он никому не мог imponировать, и его личность не вызывала ни страха, ни почтения. Он был заурядным человеком. Но справедливость все-таки требует подтвердить, что при первой встрече он оставлял глубоко обаятельное впечатление.

Он был прост и легко доступен, а в его присутствии совершенно забывался царь. В своей личной жизни он был чрезвычайно мало требователен. Но его характер был противоречив. Он страдал от двух недостатков, которые в конце концов его погубили: слишком слабая воля и непостоянство.

Он никому не верил и подозревал каждого. Распутин передавал мне как-то следующее выражение царя: „Для меня существуют честные люди только до двух годов. Как только они достигают трехгодичного возраста, их родители уже радуются, что они умеют лгать. Все люди лгуны“. Распутин на это возражал, но безуспешно.

Вследствие этого и царю никто не верил. Николай II во время разговора казался очень внимательным и предупредительным, но никто не мог быть уверенным, что он сдержит свое слово. Случалось очень часто, что приближенные царя должны были заботиться о выполнении им данного слова, так как он сам об этом не заботился. Николай жил в убеждении, что все его обманывают, стараются перехитрить и никто не приходит к нему с правдой. Это был трагизм его жизни.

Поэтому очень трудно было у него что-нибудь провести. В сознании, что он ненавидим собственной матерью и родственниками, он жил в постоянной боязни от двора Императрицы-матери, то есть так называемого старого Двора, об отношениях которого к царю предстоит еще речь. Он считал даже свою жизнь в опасности. Привидение дворцового переворота постоянно носилось перед его глазами».

Он опасался дворцового переворота, а надо было бояться революций.

Далеко не каждому по плечу тяжкий царский удел. Это в сказках царь сидит на троне и, топая ногами, изрекает свою монаршую волю, которую все окружающие стремглав кидаются исполнять. В действительности все обстоит гораздо скучнее. Управление государством – дело весьма и весьма непростое, требующее от правителя огромных ежедневных усилий.

Если ты самодержец – то изволь вникать во все вопросы. Выслушивай доклады своих министров, читай отчеты губернаторов, присутствуй на заседаниях Государственного Совета и Комитета министров или хотя бы регулярно просматривай их стенограммы, вникай в суть всего, отдавай приказы, раздавай указания...

И все время принимай решения, причем правильные, ибо неправильные решения монархов ни до чего хорошего не доводят. Разве что до гильотины на площади Революции в Париже или до подвала дома инженера Ипатьева в Екатеринбурге...

В возрасте двадцати шести лет Николай Александрович Романов стал восемнадцатым по счету царем из династии Романовых. Он правил Российской империей двадцать три года.

Начало его трагического царствования было омрачено катастрофой, произошедшей 18 мая 1896 года на Ходынском поле в Москве, где в ожидании раздачи подарков по случаю коронационных торжеств собралось свыше полумиллиона человек из падкого на всяческую халяву простонародья. Стояли с ночи в ожидании обещанного подарка – кулька с сайкой да оловянной кружки с двуглавым императорским орлом. Организации не было никакой, и в возникшей на рассвете давке погибло тысяча триста восемьдесят девять человек, были тяжело ранены две тысячи шестьсот девяносто и десятки тысяч получили ушибы и легкие увечья...

Известие о катастрофе Николай II практически проигнорировал. Один из премьер-министров его царствования, граф Сергей Витте писал: «В день ходынской катастрофы, 18 мая, по церемониалу был назначен бал у французского посла Монтебелло... Бал должен был быть весьма роскошным, и конечно, на балу должны были присутствовать император с императрицей. В течение дня мы не знали, будет ли отменен по случаю происшедшей катастрофы этот вечер или нет... Великий князь (дядя Николая II Сергей Александрович, занимавший пост московского губернатора. – *А. Ш.*) нам сказал, что многие советовали государю просить посла отменить бал, во всяком случае не приезжать туда, но что государь с этим мнением совершенно не согласен; по его мнению... ходынскую катастрофу надлежит игнорировать... К моему удивлению, празднества не были отменены, а продолжались по программе... Все имело место так, как будто бы никакой катастрофы и не было... Решено было случившуюся ужасную катастрофу не признавать, с ней не считаться».

Неудачное начало и еще более неудачное поведение молодого царя...

Его супругу Алису, Александру Федоровну, в родном Дармштадте считали неудачницей и даже дали ей соответствующее прозвище «пехтфогель». Поначалу она росла веселой девочкой, но когда ей было шесть лет, ее мать внезапно скончалась. Смерть матери наложила глубокий отпечаток на характер Алисы, изрядно его подпортив. Сочетание упрямства и набожности с желанием подчинить себе всех и вся сделали юную принцессу поистине невыносимой для окружающих. Невыносимой настолько, что гофмаршал Гессенского двора в приватной беседе с русским послом в Берлине заявил: «Какое счастье для Гессен-Дармштадта, что вы ее от нас забираете».

Еще будучи невестой, Аликс записала в дневник своего жениха: «Не позволяй другим быть первыми и обходить тебя. Ты – любимый сын Отца, и тебя должны спрашивать и тебе говорить обо всем. Выяви свою личную волю и не позволяй другим забывать, кто ты».

Послушаем графа Витте: «Когда в 1905 году государь принимал решения, которые я советовал не принимать, я несколько раз спрашивал его величество, кто это ему посоветовал. Государь мне иногда отвечал: „Человек, которому я безусловно верю“. И когда я однажды позволил спросить, кто сей человек, то его величество мне ответил: „Моя жена“».

«У всякого благоразумного проси совета, и не пренебрегай советом полезным» (*Тов. 4:18*), сказано в Писании. Императрицу Александру Федоровну вряд ли можно считать настолько сведущей в делах государственных, чтобы она могла стать своему мужу-самодержцу полезной советчицей.

Император и императрица плохо знали свой народ, вернее – совершенно его не знали, будучи далеки от мыслей, чаяний и нужд подданных, но искренне верили, что народ и царь в России составляют единое целое. Умам их рисовалась умилительная классическая пастораль – помазанник Божий правит своим православным (и не только православным) народом.

Оба они считали, что «сердце царево – в руках Божьих», что между Богом и Его помазанником существует нерасторжимая мистическая связь и что не кто иной, как Бог, посылает царю знаки, руководящие его поступками.

Воля Божья могла изливаться с небес двояко – напрямую в сердце и душу монарха («Совесть моя меня никогда не обманывала», – утверждал Николай) или же достигать царя через «Божьих людей», далеких от страстей мирских и оттого близких к Богу праведников. Именно посредством «Божьих людей» и осуществлялась неразрывная связь самодержца со своим народом. Образно говоря, в этой системе, где император являл собой старшее начало, а народ был его любимым детищем, «Божьим людям» была уготована роль некоей условной пуповины, которую всячески пытались перерезать те, кто желал воспрепятствовать освященному самим Богом единству.

По мнению Николая Александровича и Александры Федоровны, единству царя и народа мешали две силы – аристократия и бюрократия.

Аристократы были чванливы, ленивы и алчны. Они ничего не давали государству, но требовали очень многого, уповая на древность своих родов и былые заслуги предков. Николай II терпеть их не мог, и в первую очередь неприязнь его распространялась на представителей высшей аристократии – своих дядюшек, которые вели себя с царственным племянником весьма грубо и бесцеремонно, а в государственную казну привыкли запускать свои хваткие руки столь же свободно, как и в собственные карманы.

Императрица за всю жизнь так и не смогла освоиться в петербургском свете. Поначалу робела и боялась насмешек, ввиду чего старалась держаться излишне высокомерно и от высокомерия этого не избавилась уже до самой смерти. Сливки имперской аристократии, среди которых было много таких, кто запросто мог перещеголять чванливую царицу родословной, невзлюбили жену Николая, что называется, «с первого взгляда», а поняв, что она полностью подчинила себе слабохарактерного супруга, постепенно распространили эту нелюбовь и на него.

Исправное рождение императрицей одних лишь девочек привело к тому, что в свете пошли откровенные насмешки над «молодой царицею, рождающей со стенанием девицу за девицею». Стоит ли удивляться тому, что императорская чета жила обособленно, предпочитая шумному Петербургу уединенное и покойное Царское Село.

Круг приближенных императрицы был весьма узок. Вначале его составляли великие княжны Анастасия Николаевна и Милица Николаевна, с первых же дней знакомства пленившие сердце Алисы своим раболепием, а начиная с лета 1905 года императрица прониклась расположением к своей молоденькой фрейлине Анне Танеевой, некрасивой толстушке, похожей, по словам острого на язык графа Витте, «на пузырь от сдобного теста». Они сблизились на почве общей любви к религии и музыке, так, во всяком случае, утверждала сама Анна. Вскоре после этого сближения Танеева стала Вырубовой – в 1907 году она вышла за лейтенанта Александра Вырубова, с которым в 1908 году разошлась.

Анна и ее мать объясняли столь скоропалительный развод психической болезнью мужа (мать Вырубовой характеризовала бывшего зятя как импотента и психопата с садистскими наклонностями). В свете же намекали на некую «особенную» близость, имевшую место между императрицей и ее молоденькой фрейлиной.

Впрочем, это Сергей Юльевич Витте в своих воспоминаниях писал, что «сама Аня Танеева некрасива, похожа на пузырь от сдобного теста», и говорил о ней как о «самой обыкновенной, глупой петербургской барышне, влюбившейся в императрицу и вечно смотрящей

на нее влюбленными медовыми глазами со вздохами: „ах, ах!“ Сергей Марков, чья книга „Покинутая царская семья“ вышла в 1928 году в Вене, впервые увидел Вырубову в двенадцатилетнем возрасте и был просто пленен ею: „Внешне она была очень красивой женщиной, невысокого роста золотистой блондинкой с великолепным цветом лица и поразительно красивыми васильковыми синими глазами, сразу располагавшими к себе“».

На вкус и цвет, как говорится, товарищей нет. Однако об Анне Вырубовой сохранилось больше отрицательных, нежели положительных отзывов современников. Так, министр внутренних дел Протопопов был уверен, что Вырубова была «фонографом слов и внушений, всецело Распутину преданная, послушная и покорная».

Его коллега, министр А. Н. Хвостов считал, что «Вырубова – несчастная женщина, истеричка, недалекая, которая попала под гипнотическое влияние Распутина».

Учитель французского языка царских детей швейцарец Пьер Жильяр высказался довольно резко: «Ее Величество любила окружать себя людьми, которые бы всецело отдавали ей самих себя, которые бы всецело отдавались ей и почти отказывались от своего „я“». Она считала таких людей преданными ей. На этой почве и существовала Вырубова. Вырубова была неумная, очень ограниченная, добродушная, большая болтушка, сентиментальная и мистичная. Она была очень неразвитая и имела совершенно детские суждения. Она не имела никаких идей. Для нее существовали только одни личности. Она была совершенно неспособна понимать сущность вещей – идеи. Просто были для нее плохие и хорошие люди. Первые были враги, вторые – друзья. Она была до глупости доверчива, и к ней проникнуть в душу ничего не стоило. Она любила общество людей, которые были ниже ее, и среди таких людей она чувствовала себя хорошо. В некоторых отношениях она мне представлялась странной. Мне она казалась (я наблюдал такие явления у нее) женщиной, у которой почему-то недостаточно развито чувство женской стыдливости... С Распутиным она была очень близка».

Разумеется, при желании Александры Федоровны ее отношения с аристократией могли бы измениться к лучшему, но властная императрица не могла и не хотела сделать первый шаг к сближению. Выпрыгнув из дармштадского захолустья в императрицы Российские, она еще больше прониклась чувством собственного величия и всю жизнь старалась поддерживать должную дистанцию с подданными.

Отношения со свекровью, вдовствующей императрицей Марией Федоровной, у Аликс не сложились. Обе хотели править балом, обе не желали уступать... Очень знакомая ситуация, встречающаяся во многих семьях. Вдобавок к прочим недостаткам Александра Федоровна была натурой чрезмерно экзальтированной, а точнее говоря – истеричной. Царственный супруг истерик не выносил и оттого быстро отвык спорить с женой.

Высокопоставленных имперских бюрократов император ненавидел за то, что они отнимали у него кучу времени, и отнимали, по его мнению, совершенно напрасно. Вдобавок они являлись барьером, отделявшим царя от его народа. С первых дней своего царствования Николай II мечтал установить через головы бюрократов прямую связь с народом, по примеру Павла I повесившего ящик для народных жалоб на стене своего дворца.

Бедный Павел, он плохо кончил...

Граф Витте вспоминал о том, как министр внутренних дел Дурново однажды спросил его мнение о молодом царе Николае II. «Я ответил, что... он совсем неопытный, хотя и неглупый, и он на меня производил всегда впечатление хорошего и весьма воспитанного молодого человека... На это И. Н. Дурново мне заметил: „Ошибаетесь вы, Сергей Юльевич, вспомните меня – это будет нечто вроде копии Павла Петровича, но в настоящей современности“».

Справедливости ради следует заметить, что народа своего император на деле побаивался. Во время поездок по стране царя хорошо охраняли. Вот, например, приказ гене-

рал-лейтенанта Иоахима фон Унтерберга, ответственного за безопасность высочайших особ во время их проезда через Тамбовскую губернию на богомолье в Саровскую пустынь: «1. Все строения, жилые и холодные, как на самом пути, так и на расстоянии десяти саженей в обе стороны от дороги, за двое суток до высочайшего проезда тщательно осматриваются комиссией, состоящей из полицейского и жандармского офицера, местного сельского старосты и двух понятых. Те строения, в которых нет особой надобности, опечатываются комиссией.

2. За сутки до проезда в каждый дом, находящийся по пути следования, помещаются два охранника.

3. Все выходящие на улицу окна или отверстия на чердаках заколачиваются.

4. При расстановке жителей на местах во время проезда все котомки как посторонних лиц, так и охранников, относятся на несколько десятков саженей в тыл охраны и там складываются, а разбираются лишь после высочайшего проезда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.